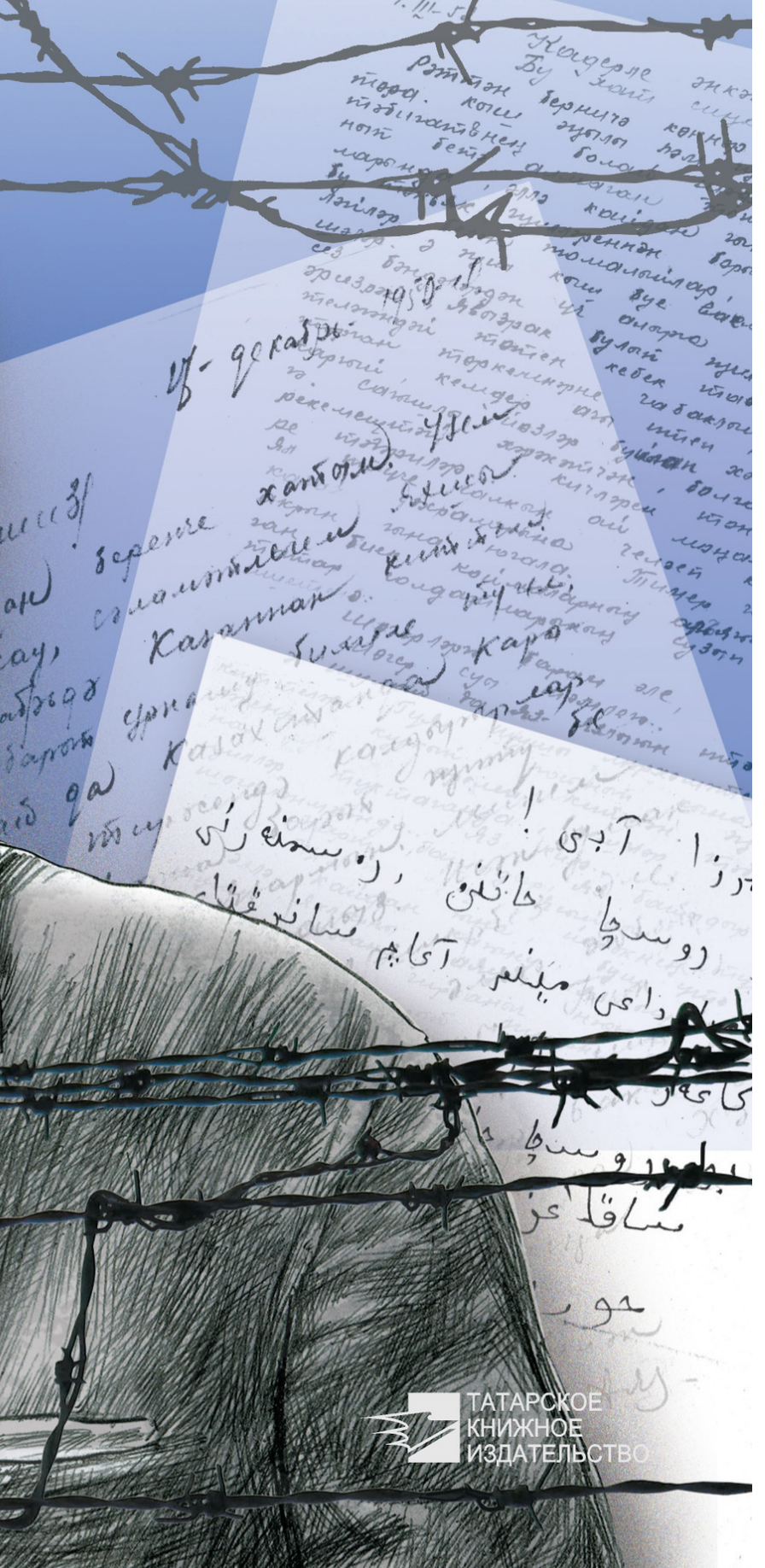

АЯЗ ГИЛЯЗОВ ДАВАЙТЕ ПОМОЛИМСЯ!

Аяз Гилязов

Давайте помолимся! (сборник)

«Татарское книжное издательство»

1991-1993

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Тат)-4

Гилязов А. М.

Давайте помолимся! (сборник) / А. М. Гилязов — «Татарское книжное издательство», 1991-1993

ISBN 978-5-298-03386-2

Роман-воспоминание «Давайте помолимся!» (1991–1993) – итоговое произведение А. М. Гилязова, носящее автобиографический характер. Это дань памяти людям, которые сыграли огромную роль в становлении мировоззрения писателя. В книгу вошли также автобиографическое эссе «Тропинками детства» и путевые заметки «Я искал свои следы...» о поездке Аяза Гилязова в места лагерного прошлого. Адресована широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Тат)-4

ISBN 978-5-298-03386-2

© Гилязов А. М., 1991-1993
© Татарское книжное
издательство, 1991-1993

Содержание

Великий сын татарского народа	7
Вместо предисловия	9
Давайте помолимся!	11
Первая часть	11
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Аяз Гилязов

Давайте помолимся!

© Татарское книжное издательство, 2017

© Гилязов А. М., насл., 2017

© Ишмухаметов Н. Р., пер. с татар., 2017

© Хабутдинова М. М., сост., подг. текстов, коммент., 2017

* * *

Великий сын татарского народа

Аяз Гилязов (1928–2002) – писатель, внёсший неоценимый вклад в татарское литературное наследие. Первые шаги на писательском поприще он сделал в годы, когда сталкивались порой самые противоречивые представления. И даже в таком водовороте мнений Аяз Гилязов сумел выработать свою позицию, сформировать свою точку зрения, так как искренне верил в то, что путь, избранный им, единственно правильный. Воистину, какое его произведение ни возьми – «Три аршина земли», «В пятницу, вечером...», «Весенние караваны», «Сказание о любви и ненависти», «За околицами луга зелёные», «Рана» или «Давайте помолимся!» – это настоящие шедевры, вышедшие из-под пера настоящего мастера, который искренне был озабочен судьбой своего народа и своей страны. Его публицистические заметки, философские мысли, изложенные в дневниках и письмах, не потеряют своего значения и в будущем.

Исключительно важна воспитательная составляющая произведений Аяза Гилязова. Это сочинения, которые являются духовным богатством татарского народа, отражают самые тонкие национальные черты и важнейшие явления нашей эпохи. Они доносят и до современного читателя, и до будущих поколений особенности жизни человека середины XX века.

Спектакли по пьесам Аяза Гилязова в 1960–1990-х годах один за другим появлялись на сценах многих театров. Особенно врезался в память спектакль «Осенние ветры», поставленный татарскими актёрами-«щепкинцами». В этом спектакле они не только обрели бесценный опыт, но и по-настоящему поверили в себя. После этого на протяжении практически полувека «щепкинцы» стали ведущей творческой силой Камаловского театра и до сих пор находятся в эпицентре нашей театральной жизни.

Аяз Гилязов стал считаться профессиональным писателем с 1963 года. Понятно, что мы, его современники, можем только догадываться, с какими трудностями встретился на своём творческом пути человек такой сложной судьбы. Он не занимал руководящих постов в Союзе писателей, но собратья по перу всегда прислушивались к его советам и замечаниям и были внимательны к ним.

Можно полагать, что ему было непросто, являясь главой большой семьи, доверяться только своему перу. И как бы то ни было, он стал не только художником-мыслителем, добившимся заслуженного признания и как прозаик, и как драматург, но и настоящим семьянином. Мудрость Аяза Гилязова проявилась и в том, что он со своей супругой Накиёй Ильгамовной, подавая своим трём сыновьям – Искандеру, Мансуру и Рашату – пример благородства, справедливости, доброты, рассудительности и трудолюбия, вырастили их настоящими людьми, приверженными делу отца, который беззаветно служил родной республике и её народу. Достойные дети достойных родителей – я бы так сказал. Всем нам известны историк, учёный, писатель, общественный деятель Искандер Гилязов, писатель, драматург, сценарист Мансур Гилязов, они вносят большой вклад в развитие современной татарской литературы, науки и искусства, пользуясь заслуженным авторитетом в творческой и научной среде.

Глубокую признательность и огромную благодарность заслуживает Накия-ханум Гилязова, чьей преданностью памяти мужа и ответственностью за его литературное наследие можно только восхищаться! По сей день она кропотливо трудится над тем, чтобы произведения Аяза Гилязова стали достоянием российской и мировой литературы. Знаю не понаслышке, книга «Давайте помолимся!» на русском языке издаётся во многом благодаря инициативе, настойчивости и стараниям Накии Ильгамовны. Большое спасибо всем, кто работал над книгой, это прекрасный подарок нашим читателям.

Нет сомнения в том, что и в будущем творчество народного писателя Татарстана Аяза Гилязова будет пользоваться неизменной популярностью у всех благодарных поколений.

*Минтимер Шаймиев, Первый Президент Республики Татарстан,
Государственный Советник Республики Татарстан*

Вместо предисловия

Милый, дорогой старый друг Аяз!

В один из дней начала августа 2016 года меня посетила огромная радость: после многолетних безуспешных поисков твои соотечественники всё-таки разыскали меня и поиск этот увенчался редкой эйфорической радостью: благодаря достижениям современной техники я оказался счастливым владельцем двух ценных для меня карандашных зарисовок. Под рисунками стоят даты – 1953 и 1954, рядом подпись: Галгоци. Оба портрета изображают Тебя, мой друг. На одном из них Ты изображён в ушанке и телогрейке таким, каким Ты был в то время, когда вместе со мной дробил камень под Карагандой в Волынском лагере, а на другом портрете – Ты с безупречной причёской в модном костюме, в белой рубашке с галстуком – изображён таким, каким бы Ты был, если бы бесчеловечный режим так жестоко не прошёлся в ранней молодости по Твоей судьбе.

Сколько мы разговаривали с Тобой в наступающих поздних сумерках об угнетающем, унижающем достоинство человека, об уничтожающем наши народы режиме! Я помню, как в один из дней мы отправились на работы в каменный карьер без Тебя. У кого бы я ни спрашивал, никто не знал, почему Тебя сегодня нет с нами, ведь Ты не был болен. Вечером, возвратясь с работы, я нашёл Тебя сидящим на краю нар, и Ты по секрету, доверительно, стараясь, чтобы никто не услышал, рассказал мне, что Кум, ведущий дело следователь, потребовал Тебя к себе и призывал к сотрудничеству, то есть к доносительству, и что Ты его предложение решительно отверг. Когда я напомнил о том, что отказ от подобного рода предложения может иметь очень серьёзные последствия, Ты глубоким взглядом посмотрел мне в глаза и сказал: «Арпад, честь для меня дороже свободы».

Тогда я действительно восхищался Тобой.

Наши вечерние и ночные разговоры становились всё более частыми и откровенными. Ты был единственным татаринном в нашем многонациональном коллективе. Вначале мы тебя называли Чингизом, потом – Батыем. У меня сохранились самые светлые воспоминания о тебе. В тюрьме мы познакомились с интересными людьми, которые помогли нам сформироваться как личность. ГУЛАГ для нас стал настоящей школой жизни.

Вскоре судьба нас развела, я освободился из лагеря, и, очевидно, Тебе тоже удалось выйти на свободу, но тогда мы потеряли друг друга из виду. Мне пришлось ждать шесть лет, прежде чем я попал на родину, к Тебе судьба оказалась благосклоннее.

Потом режим пал. Начался период, о котором мы тогда не смели и мечтать. Мне известно, с какой радостью Ты воспринял нашу великую революцию 1956 года и борьбу за свободу, к сожалению, мы потерпели поражение, но пробили такую дыру в корабле ленинизма-сталинизма, которую в дальнейшем уже невозможно было заделать.

После смены режима человек стал человечнее. Тебе удалось добраться до самых высоких литературных вершин, Ты стал гордостью нации. Судьба не предоставила нам такой возможности, чтобы мы встретились как успешные свободные люди, Ты оставил этот мир, но перехитрил судьбу и через 65 лет обращаешься ко мне, и сейчас я пишу предисловие к новому изданию Твоих произведений.

Скоро и мне исполнится 90 лет, и в своё время я тоже поплыву в туманной мгле за Тобой. А какие вечные разговоры предстоит нам с Тобой вести! А пока, прошу, запасись немного терпением, жди меня, и я обещаю, что непременно найду Тебя.

Аяз, дорогой друг, до встречи на другой стороне бытия!

*Арпад Галгоци, переводчик русской литературы на венгерский язык, кавалер
ордена Дружбы Российской Федерации
Перевод с венгерского Риты Хасановой*

Давайте помолимся! (Роман-воспоминание)

*Всё, что я видел и пережил, вошло в эту книгу.
Первый год я писал её чернилами – но чернила кончились.
Второй год – слезами, но и слёзы высохли.
Третий год – кровью, но и её не хватило.*

Гаяз Исхаки. «Лукман Хаким»¹

Первая часть

1

Какую власть всё-таки имеют над нами воспоминания!

Юрий Казаков²

Если начну свой рассказ словами: «Эх-х, нечаянные радости тюрьмы!», не торопись укорять да ругать меня, дорогой читатель, мол, автор-то, похоже, рассудком помутился, и не спеши, пожалуйста, закрывать книгу! Если бы скрытая от многих глаз тюремная жизнь состояла из одних только бед, горестей и печалей, то никто бы оттуда живым не вышел!

В тюремных застенках – в этом тёмном мире, куда отовсюду собирают и заставляют вариться в одном котле преступников всех мастей, всё же выпадают небольшие, не больше кончика мизинца, радостные минутки. Следом за каждым узником в душные и тесные камеры входит Надежда. Ну и что же, что жизнь искалечена и разрублена на «до» и «после», отнять у человека Надежду не может даже самый беспощадный палач. Пока голова на плечах – Надежда жива. У каждой тюрьмы свои законы и традиции, свой цвет и запах, своё меню. Однако во всех тюрьмах у заключённых, при всех их различиях, общие утешения и чаяния: кто-то попал сюда недавно, кто-то не первый год чахнет в неволе, а кто-то и умирает, так и не дождавшись свободы. Из собравшихся в камере судеб, кажущихся на первый взгляд обрывочными и несвязными, складывается непрерывная цепочка Памяти, никогда не бывающая пустой тюрьма, словно каменная чаша, из года в год пополняется надеждами и чаяниями заключённых, они бережно передают их из рук в руки, от одного поколения к другому, стараясь не расплескать ни капли. В самые первые дни пребывания в камере, когда на душе тошно, когда подавлена воля и сломлен дух, тебя начинают знакомить с туманной историей этого заведения. А в конце рассказа добавят: «Архитектора-то этой тюрьмы самого посадили!» «Ага! – радуешься ты, – так и надо этому ироду!» «Да, – говорят твои товарищи, – выродок, придумавший адский погреб, не должен уйти от наказания!» Взявшиеся поведать тебе историю этой тюрьмы заключённые поднимут твоё настроение бессчётными примерами о других арестантах: когда-то верховодивших тюремных начальниках и, конечно же, о незадачливых следователях.

И что удивительно! На второе же утро твоего пребывания в 24-й камере «гостиницы» на Чёрном озере из коридора доносится глухой стук шагов! Деревянная нога! Слышно, как конвоируемый грязно ругает надзирателя! Сокамерники – казанец Нигмат Габитович Халитов и парень из Подберезья Кабир Мухаметшин расплываются в улыбке: «Ба, неужто прокурора загребли?! Только на прошлой неделе ещё ходил с проверкой по камерам».

Позже стало известно: арестовали заместителя прокурора. Такие радостные вести могут пробить насквозь не то что толстые тюремные стены, но и земной шар!

Быстро выйти на свободу из нашей тюрьмы, дурная слава о которой распространилась далеко за пределы Чёрного озера и одно упоминание заставляет содрогаться сотни невинных сердец, пустая затея, истории подобные случаи не известны, в цепочке Памяти такого звена нет. О том, чтобы сбежать, обманув охрану, и думать не смей! Смешно! Недавно оказавшись в заключении неопытные арестанты поначалу ещё тешат себя мечтами: «Это ошибка! Меня скоро выпустят!» – Напрасно! Сменив пару камер, вкусив все прелести тюрьмы, на собственной шкуре испытав, как работает российская исправительная система, арестанты быстро избавляются от несбыточных мечтаний. Все светлые надежды, с которыми они входили в мрачные камеры, одна за другой гаснут. В конце концов остаётся единственное – «Амнистия!» – незыблемая надежда всех сидельцев. Приближаются Октябрьские праздники – арестанты полны надежд. Подует весенний ветерок, на носу Первомай и День Победы, – угасшие осенью надежды разгораются с новой силой. Со временем арестант начинает от самого себя прятать чаяния и мечты, успокаивается, становится невозмутимым. Полгода пробарахтавшийся на грани утопления в Чёрном озере зэк – доктор юридических наук, год похлебавшие тюремной баланды – профессора, а если встретишь среди них того, кто три года продержался на глади озёрной бездны – знай, перед тобой академик! По уровню и скорости приобретения знаний равных школе тюремной нет. Переходящий из одного «класса» в другой, отчётливо понимающий, куда ведут все «науки», заматеревший зэк уже не верит ни в амнистию, ни в хорошие сны, смотрит свысока на набрасывающихся на любой мелкий корм сокамерников, замыкается в себе. Повернувшись спиной к железной двери, он подолгу глядит на заколоченное крепкими досками слепое окно, прозрачное стекло которого со временем стало иссиня-чёрным. Силой воображения он размыкает все замки и сквозь двери и окна устремляется в одному ему известный, бережно хранимый, спрятанный от чужих глаз в глубинах сердца вольный край. На дверь он и не думает оборачиваться в минуты высокого полёта, потому что знает, она открывается лишь для того, чтобы впускать арестованных, и никогда – чтобы выпустить.

«Радости» я сказал. Есть они. Вы, наверное, скажете, что радостью было получить передачу с воли? Да, если принесут немного домашней еды – радуешься. Но как подумаешь, что в тяжёлые советские времена родным и знакомым приходилось обделять себя куском хлеба, чтобы ублажить ненасытную тюремную глотку... то вся радость от передачи гаснет, как свеча на ветру. А времени-то для раздумий в тюрьме предостаточно!.. И всё же... Если никто к тебе не приходит, не скучает по тебе – пропадёшь. Ты даже не жучок, загнанный и застрявший в расщелине каменной стены, ты – нуль, нет тебя, ты – чека, выпавшая из колёсного крепления заезженной, расхлябанной телеги, плетущейся на свалку, оставшийся лежать в непролазных зарослях полыни, мажущий всё и вся дёгтем, разлетевшийся на куски, бесполезный клин.

Нигмат Халитов, среднего роста, коренастый татарин, получает передачи регулярно. И дом его неподалёку от тюрьмы, на улице Чернышевского, по соседству с химическим корпусом нашего университета. Это – первое. Во-вторых, самое главное – Нигмат-ага не политический преступник. Он главный бухгалтер фабрики «Динамо», что на улице Ташаяк. Фабричное начальство, их помощники, помощники помощников, занижая сорта выпускаемой спортивной одежды и сырья, наворовали огромные деньги, но в один из дней эта злокачественная опухоль прорвалась! Теперь и директор фабрики Бибишева, и главный инженер Клейнерман, и последнее звено преступной цепочки, реализовывавший через маленький киоск выведенную из учёта продукцию тихий, покорный, близорукий Исаак Горлицкий оказались здесь. (Чуть позже мы ещё встретимся с Горлицким!) Похоже, что миллионы, прошедшие через руки Халитова, повлияли и на уровень его благосостояния: жена всячески ублажает, тюремная прислуга беспрестанно заботится о здоровье и настроении, из казённого фонда ему перепадает и белый калач, а гречневая каша, щедро сдобренная маслом, дымящиеся оладьи по несколько раз на

дню доставляются в нашу камеру из его дома. Частенько в масляном озерце лежит, бесстыже дразня наши голодные глаза толстыми ляжками, курица! А чай бухгалтер пьёт с шоколадными конфетами в золотистой обёртке, мы такое счастье даже и во снах не надкусывали!

Мне тоже приходят гостинцы. Их мне приносит мой одноклассник и сосед по комнате в университетском общежитии Нил Юзеев³. Расписываясь в графе «Передачу получил», я был изумлён его ответом на вопрос: «Кем вы приходитеесь арестованному?» – Нил написал: «Друг». Ах ты боже мой! Надо было ответить: «Знакомый», не знает Нил тюремных тайн. Неведомо ему, что тех, кто пишет «Друг», самих вскоре ждёт тёмная дорожка! Ответил так ответил Нил, святая простота, чистая душа, один из самых искренних парней. Приносимые им две-три буханки чёрного хлеба о-очень кстати. В то время я пристрастился к курению. Достану, бывало, папиросу «Норд», от одной затяжки дым из ушей валит, слёзы полчаса текут. Но такая радость от этой отравы! Когда злобный полковник Катерли, который 22 марта 1950 года, прихватив своих безмозглых понятых, пришёл меня арестовывать, он и Нила заставил поставить подпись в ордере на обыск: больше Нил никаким образом к моему делу не причастен. Спасибо ему, пока я в ясном уме и светлой памяти, поблагодарю его за всё добро, что он для меня сделал! Не верьте тому, кто вздумает из каких-либо соображений очернять Нила! В тяжёлое, полное противоречий и непонимания время, когда вершились наши неокрепшие судьбы, когда мы ещё не понимали всей глубины и всех причин возникающих противостояний, Нил сумел сохранить достоинство, прямоту и искренность суждений. А ведь это очень и очень непросто – говорить, а тем более написать правду, когда две трети населения в той или иной степени связаны с Чёрным озером. Хотел бы я посмотреть на тех задир и забияк, которые пытаются сегодня бить себя в тщедушную грудь: «Мы такие!.. Мы смогли это!», как бы они повели себя в ту смутную, шаткую пору. Не дай Бог, конечно!

Кабир Мухаметшин – деревенский паренёк, плечистый, несмотря на высокий рост и сухощавость, с лопатообразными руками, достающими почти до колен. узколобый, с плотно сжатым ртом. Я не помню, чтобы он улыбнулся или рассмеялся. Легионер⁴. Судьбы татарских легионеров складывались одинаково: их за шкуру оттащивали от межи и, вручив на троих одну винтовку и десять патронов, отправляли на войну, выдав коммунистическое напутствие: «Винтовку возьмёте у убитого товарища». Никто не знает, сколько сгублено татарских душ, сколько солдат-татар, втоптаных в глину, омытых кровью, похоронено от Белого до Чёрного моря. Белы косточки татарские разбросаны по глухим березнякам, по непересыхающим болотам-трясинам. А драгоценные души до сих пор витают где-то между небом и землёй, измождённые и неприкаянные, они так и не услышали зауспокойной дуа¹ и слов прощания. «А те из вас, кто останется в живых, позавидуют мёртвым», – сказано в одной книге. О жестокой судьбе выживших военнопленных мы долго хранили полное молчание, боялись. Сейчас многое открылось, стало известно о примерном количестве заключённых, об их судьбах. С российской стороны пять миллионов семьсот тысяч человек оказалось в немецком плену. Это больше, чем численность Советской Армии в июне 1941 года, на момент начала войны! Три миллиона триста тысяч умерло или казнено в плену (*Известия. – 1991, 4 апреля*). Эти ужасающие цифры по крупицам вывели немецкие военные историки. Мы в этом направлении пока ничего не исследовали, вся информация – под замком. Всё ждём чего-то, кого-то боимся. Каждый пленный – живая душа. У неповторимой судьбы каждого узника есть начало и конец.

Кабир – один из этой многомиллионной армии. Выживший. И вся его вина лишь в том, что он выжил. Деревенский паренёк, татарин, до войны не выезжавший дальше околицы родной деревни, в промежутках между работой окончивший с грехом пополам четыре класса, попадает в плен. Голодный и изнурённый, избитый и подавленный, он лежал и ждал смерти, но кто-то пришёл в их концлагерь, в этот ад на земле, и, собрав военнопленных-татар, на родном

¹ Дуа – молитва.

языке по-человечески поговорил с ними. Подберезьевский парень с такими же, сломленными тяжёлой лагерной жизнью, солдатами записывается в легион, попадает в Берлин, где работает на конюшне. Кроме этого он ничего, можно сказать, и не знает. Погоняют – идёт, приказывают – останавливается. «Бывало, тятну немного немецкой водки – шнапса, заткну немецкую пилотку за ремень и иду по Берлину, горланя на всю улицу «Галиябану», – рассказывал Кабир, то ли грустя по тем временам, то ли горько сожалея. А сейчас следователь впился ему в глотку, шнапсом попрекает. Всё, что ему нужно узнать: как и почему Кабир выжил в плену, шпионом какого государства является, с каким заданием заслан в Татарстан?

Пузатый, через слово вспоминающий свою язву желудка Нигмат-ага тюремную баланду почти не ест, иногда только, преодолевая брезгливость и отвращение, проглотит пару ложек. Выскрести дно кастрюли, когда каши вдоволь, а курица жирная, достаётся Кабиру, телосложение у парня богатырское, аппетит завидный. Мне казалось, что после немецких концлагерей и долгого сидения в камере Чёрного озера Кабир превратился в какого-то полудурка, с которым и поговорить-то не о чем. Но однажды он меня удивил... В деревне у него остались родители и жена. Были ли дети, не помню. И деревня-то совсем недалеко, поезда до Казани ходят непрерывно. Но, к сожалению, никто к Кабиру Мухаметшину не приезжает. Меню Чёрного озера простое и скудное: с утра на кончике чайной ложки сахарный песок, кипяток с брошенными для отвода глаз считанными чайниками и пятьсот граммов хлеба. В обед баланда, отвратительно пахнувшая лоханкой, на ужин кусочек рыбы размером с детский мизинец. Чего больше в этой рыбе – мяса или соли, сразу и не определишь. В один из дней наш Кабир, приоткрыв свою душу, долго плакал, утирая тыльной стороной ладони безудержные слёзы. И плач-то у него своеобразный: не то проклинает кого Кабир, не то воет, от этого рёва всем стало не по себе! Это испытал и надзиратель, ходивший туда-сюда по коридору, заподозрив неладное, он повернул «волчок», обвёл пристальным взглядом камеру и долго ещё так стоял за нашей дверью. Выяснилось, что, потеряв последнюю надежду, Кабир затосковал по первой жене. Оттого и плакал. В лютый мороз она пошла за водой к колодцу, подходы к которому превратились в ледяную горку. Наполнив вёдра, зашагала, поскользнулась, упала и сильно ударилась об лёд затылком. Там же испустила дух, бедняжка. Теперь у Кабира самое последнее желание, самое заветное: «Все меня забыли, бросили, никому я не нужен... Если Всевышний позволит, если когда-нибудь я выйду отсюда, вернусь домой, прибегу к могиле жены, рухну рядом и умру!»

Признаюсь, тяжело было наблюдать, как страдает и убивается этот угрюмый, недалёкий, в общем-то, человек – легионер Кабир Мухаметшин, как рушатся его надежды, как им овладевает отчаяние. Получив двадцать пять лет лагерей и клеймо шпиона неизвестно какой страны, Кабир распрошался с Чёрным озером и бесследно исчез...

Простите меня за многословность, конечно, многовато я рассказал о двадцать четвёртой камере, где просидел с марта по апрель. Ведь Нигмат-ага и Кабир – два разных мира, два разных опыта, первыми встретили меня в тюрьме, постарались преподать мне первые уроки на новом месте. От Кабира я получил первую информацию о татарском легионе.

Заключённому не дают застаиваться на одном месте, он постоянно в движении, переселяется из одной камеры в другую. Кабира отселили, остались мы вдвоём с Нигмат-ага. Оказывается, он отец двух взрослых дочерей. Одна из них учится в химико-технологическом институте. Теперь, когда мы остались вдвоём, мне хочется ещё сильнее сблизиться с Нигмат-ага, я жду, что этот человек, всю жизнь проработавший в системе МВД, вселит в меня толику надежды, не даст впасть в уныние. Но что может сказать этот несчастный заключённый? Все его слова крутятся вокруг одного: «Вот выйдешь ты в один из дней на свободу, сразу же отдам за тебя свою старшую дочь, самую красивую девушку в мире!» Он рассказывает, а я, наивный дурачок, душа нараспашку, не способный даже на два шага предвидеть ситуацию, развесив уши, верю каждому его слову!.. Нигмат-ага ведёт себя по-свойски, при каждом удобном случае расспрашивает меня о причине моего здесь пребывания, о моих друзьях-приятелях, о наших с

ними разговорах и суждениях. После сытного обеда, с масляной кашей и куриным бёдрышком, его каждый день уводят на допрос к следователям.

Однажды возвратился я на рассвете с трудного, муторного допроса, длившегося всю ночь. Пока меня не было, между накрепко приделанными к стене кроватями поставили два табурета и настелили топчан. На голых досках съёжилось неприглядное тело в латанном-перелатанном бешмете. Двери камеры с жутким скрипом открываются, с грохотом закрываются, но тот мужик лежит, не шелохнётся, даже головы не поднимет. Человека в старом бешмете вселили к нам спешно, даже место не успели приготовить. Но он тоже хорош – как можно дрыхнуть в первую же ночь в тюрьме?! Рассвело. Промучившись всю ночь без сна, мы встретили новый день, начавшийся с крика «Подъём!» и лязга дверного «волчка». Молча пили утренний чай. Нигмата Халитова сразу же увели наверх. Как специалиста, державшего в кулаке скрытую от глаз экономику своего предприятия, его часто вызывают на допросы, устраивают очные ставки с главным инженером Клейнерманом и другими причастными к делу. Допросы эти проходят вроде бы безо всяких неприятностей и подвохов, во всяком случае я не помню, чтобы Халитов, попадая «из огня в полымя», кому-то на что-то жаловался. «Молчание – золото, но это не про нас! Покайся, расскажи обо всём, что знаешь, облегчи душу!» – такими словами Нигмат-ага частенько подзуживал и меня, простофилю...

Сразу после того как Халитова увели из камеры, ко мне приблизился оборванец-татарин и полушёпотом сказал: «Ты, парень, остерегайся этого сытого индюка! Его специально к тебе подсадили, чтобы всю подноготную выведать. О-очень подозрительный тип!» «Откуда знаешь?» – спросил я, растяпа, заикаясь от неожиданности. «Мы – политические, идейные. А он человек ЧК... У меня за спиной десять лет тюрем. Оставшихся в живых из тех, кого арестовывали в тридцатых годах, в сорок восьмом снова начали собирать. Эх, сбежать мне надо было, затеряться среди киргизов да казахов, ни одна собака не нашла бы... да здоровье подорвано. В Магадане да Колыме осталось здоровье. Душу всю вынули из меня, под рёбра залезли и сердце в ключья истерзали». Не успел я разузнать, кто он, откуда родом этот татарин, заработавший чахотку за десять лет каторжных работ на лесоповале и в сырых шахтах, сосланный туда по обвинению в подстрекательстве населения против коллективизации. Рассказывая о себе, он зашёлся долгим сильным кашлем, а когда приступ унялся, сидел, крепко стиснув грудь руками. Потом он долго умолял охранника дать ему ковшик кипятка – не дали.

2

Память моя, память, что ты делаешь со мной?!

Виктор Астафьев⁵

Я не внял советам татарина в потрёпанном бешмете, хотя он, добрая душа, набравшийся жизненной мудрости в перипетиях нелёгкой судьбы, пытался уберечь меня, упрямого барана, от ошибок. Только сегодня, с высоты прожитых лет, понимаю, что он хотел своей мудростью помочь моим бестолковым мозгам. Я уже тогда догадался, что Нигмат-ага неспроста сватает красавицу-дочь за пропащего студента, однако мой язык был неумён, вместо того чтобы не болтать лишнего, я резал Халитову правду-матку о несправедливости советской власти, порой преувеличивая свою антипатию к Сталину, мне так хотелось поделиться пережитым в юности, мыслями, накопившимися в душе. Эх, молодо-зелено, никуда не денешься, были просчёты, совершались и ошибки. Я этого никогда и не скрывал. Однако у меня хватает сил и мужества, чтобы найти оправдания своей молодости: хоть я порой и неоправданно близко доверялся окружающим людям, но к оценке глубинных процессов, происходящих в обществе, подходил взвешенно, понимал их правильно, трезвый разум предпочитал эмоциям!

Итак, снова начали сажать заключённых, получивших первые сроки в тридцатые-сороковые годы. Мужик в потрёпанном бешмете знал об этом, ещё живя на воле. Значит, они – бывшие политзаключённые, не прятались всё время по норам, делились друг с другом новостями, обсуждали очередную несправедливую инициативу властей. Путешествуя из камеры в камеру, я начал понимать тюремную жизнь, научился распознавать людей и распределять по группам. Самая многочисленная группа арестантов Чёрного озера – легионеры. Ага, – ворохнулась мысль в начинавшем проясняться сознании, – легионеры сидят за совершённые в годы войны преступления. Но почему-то их начали сажать не сразу после окончания войны, а в конце сороковых – начале пятидесятых годов. Даже вернувшихся в сорок третьем году привлекли только в пятидесятом! Почему так произошло? Почему легионеров начали сажать только в сорок восьмом? Что изменилось в политике государства в сорок восьмом году?

Из заключённых, взятых под стражу вторично, наиболее сильное влияние на меня оказал инженер Кулешов. За давностью лет его имя-отчество позабылось. Чему здесь удивляться, ведь прошло более сорока лет! Кулешов вошёл к нам в камеру с невозмутимым видом, с маленьким мешочком в руках, словно отпускник, отправившийся в гости к бабушке. Терпеливо дождался, пока за ним гроыхнёт дверь, и только после этого, отвесив поклон, поздоровался. Я принял его за человека, давно мотающего срок, пережившего первую волну арестов, однако его, как оказалось, арестовали совсем недавно. Хотя он действительно имел срок за плечами! В этом человеке, уже пережившем один раз тюремный ад, меня восхитили спокойствие, достоинство, раскованность, зрелость и самоуважение. Заключённого под стражу Кулешова в годы войны вернули работать по специальности на крупный военный завод. «На заводе у меня был персональный конвоир, вооружённый солдат». У русских, бывает, встречается благородный тип мужчин богатырской внешности, принадлежащих к древнему знатному роду! У них величественная стать, гордая осанка, высокий лоб, чуть выступающий, словно отлитый из металла, крепкий подбородок, ровные, твёрдые как камень зубы. Движения их неторопливы, полны внутреннего достоинства. А Кулешов вдобавок к профессии инженера-химика ещё и большой знаток и любитель литературы и искусства, деликатный, образованный и воспитанный человек! «На Колыме и в Магадане очень много заключённых погибло от непосильных условий. Я с первого дня ареста боролся за выживание. Если попадёшь к ворами и бандитам, не имей с ними ничего общего... Говоришь, ничего не умеешь делать? И профессии у тебя нет. Это плохо, конечно. Но отчаиваться не следует! Гордо объяви, что у тебя есть профессия – каменщик! Ты же студент! Подключи свою смекалку». Когда я спросил: «Какой способ вы нашли, чтобы выжить?», Кулешов рассмеялся. «Гюго с Бальзаком⁶ спасли меня, – ответил он. – Я смолоду занимался в самодеятельном театре. Сначала работал суфлёром. Сорок три пьесы наизусть знаю! У воров есть странная особенность, они любят, когда им книги вслух читают или пересказывают по памяти. Вот я и взялся им каждый вечер романы «читать»! На самом интересном месте останавливаюсь, как Шахерезада⁷, на следующий вечер опять продолжаю. Кого-то по этапу уводят, на их место других селят. А я знай себе мелю языком. Если истории кончаются, свои придумываю!» Кулешов, рассказав без утайки, с какими трудностями предстоит мне столкнуться впереди, стал обучать меня профессии каменщика с помощью хлебных остатков. Не спеша, с толком и расстановкой он показывал, как соединять кирпичи в кладке, как класть раствор, как поднимать углы.

Я спросил у этого мудрого и великодушного человека: «Почему опять начали арестовывать тех, кто прежде уже отбыл один срок?» Впервые на моих глазах инженер смешался, чему я был немало удивлён. Сегодняшним умом понимаю, нельзя было так в лоб спрашивать, но моё любопытство тогда было безграничным. «Почему за одно и то же преступление пытаются дважды наказать?» – несколько сгладил я, любопытный, но потихоньку начинающий усваивать тюремные уроки простофиля, прямой вопрос... Ничего не ответил мне инженер, но однажды, предчувствуя скорое расставание, крепко пожал мне руку и сказал: «Тут есть какая-то при-

чина, студент! Должен быть во всём этом какой-то глубинный смысл!» При мне Кулешова ни разу не вызывали на верхний этаж. Хотя и он, и я надеялись, что там, наверху, для нас что-нибудь да прояснилось бы.

Ладно, отбросив эмоции, предположим: у советской власти был некий резон держать Кулешова в тюрьме... Он посвящён в военные тайны, здоров, относительно молод, короче говоря, ещё поживёт. Но зачем подвергать такой участи казанца Анатолия Рязанова – сморщенного, больного, жалкого заморыша, десять лет носом рывшего мёрзлый архангельский грунт?... Один на тысячу эков, выживший на жуткой каторге вдовец. Отец двух дочерей. Поставь его как взрослого мужчину на весы, замучаешься гири подбирать! Он весь в пригоршню поместится. Взгляд потухший. Разденется в бане – можно строение скелета изучать... Заикается, с жидкой козлиной бородкой, по возвращении из ссылки он долго обивал пороги родного комбината «Спартак»⁸, прежде чем его взяли на работу. Смиренного из смиренных, страдальца из страдальцев, саму святость!.. А теперь вот опять этого русского с размаху бросили в водоворот Чёрного озера! У него даже сил не осталось оплакивать безвременно ушедшую на тот свет жену, по которой сильно тоскует. Много не успел он сказать ей, когда жива была... Гляжу-смотрю я на него, а в голове сплошное недоумение, в то время я ещё очень многого не понимал!.. Рязанова тоже не таскают на допросы к следователям, значит, приговор ему был вынесен ещё до ареста... Что ещё хочу сказать, Анатолий и в этот раз сумел вернуться из ада. Упиваясь долгожданной свободой, я бродил по улицам и переулкам Казани и несколько раз встретил Рязанова. Дважды побывавший в дьявольских силках старик ещё сильнее сдал, ходил, опираясь на палочку, а потом надолго исчез. Встретившись с ним снова, я не узнал Рязанова... Один глаз удалён, второй вперился в меня. Похоже, что узнал меня Анатолий. Дыхание хриплое, неровное. Сдерживая кашель, он спросил: «Как тебя зовут-то, подскажи, запомнил я?» Небритый, мотня штанов сползла чуть ли не до колен, шея болезненно искривлена... О Тенгри, – прошептал я про себя, – зачем же ты так жестоко наказываешь детей своих, зачем калечишь их в тюрьмах и на каторгах?.. Больше я Рязанова не встречал...

Хочу помянуть добрым словом ещё одного казанца, вернувшегося из «хаджа». Фамилия у него была Авдеев. Пятидесятилетний мужчина казался мне тогда очень старым. Может, Авдееву и пятидесяти не исполнилось, в тюремной камере очень трудно точно угадать возраст человека. Работавший вдали от бурных событий, в медицинской лаборатории в Харбине, Авдеев вернулся раздобрев, отравив брюхо. Натерпевшийся в тюрьме немало издевательств из-за своей комплекции репатриант² на момент нашего знакомства представлял жалкое зрелище. От его пуза не осталось и следа, брюки, с которых по тюремным порядкам были срезаны пуговицы, не держались на поясе, постоянно сползали. Левая рука Авдеева, словно приклеенная к поясу, поддерживала штаны. Меня этот человек поразил своей искренней верой и несгибаемой набожностью. Ничего не расстраивало Авдеева, ни тюрьма с её теснотой, ни скудное питание. Этот немало повидавший на своём веку человек переживал лишь из-за того, что не может как следует молиться! Вдобавок с него сорвали нательный серебряный крестик. Авдеев, выбрав на тюремной стене место почище, выцарапывает крест, незаметный взгляду иблиснадзирателя. А его нагрудный крест всякому виден! Каждое утро он «обновляет» заточенной спичкой процарапанный на коже символ. «Чистое место в тюрьме искать, только в грех себя ввергать. По всем углам или кровь, или слёзы набрызганы!» – пытаются вразумлять Авдеева сокамерники, но их слова он оставляет без внимания. А те, сверху, тоже знают про выцарапанный на груди крест, время от времени вызывают Авдеева, чтобы поиздеваться. Соберутся с десятков жеребчиков и, тыча в «татуировку», наперебой ржут. Авдеев молча сносил хохот и насмешки, но его веру в милосердие и справедливость Сына Божиего ничто не могло сломить. Авдеев тоже благополучно вернулся в Казань, мы частенько встречались с ним во время про-

² *Репатриант* – человек, уехавший за границу и снова вернувшийся на родину.

гулок, подолгу разговаривали. Со временем и он куда-то пропал. Как же он сумел выдержать все издевательства и посягательства на святое, бедняжка!

Среди заключённых Чёрного озера обнаружилась ещё одна группа. Счастливо избежавших кровавых когтей революции эмигрантов-россиян, осевших, пустивших корни на чужой земле, обзаведшихся потомством, – именно в сорок восьмом стали арестовывать и сажать в тюрьмы. Я продолжаю уже с высоты прожитых лет задаваться вопросом: что за зловещий год это был, сорок восьмой? Почему мы до сих пор не можем узнать и дать оценку кошмарным тайнам этого года?!

Легионеры, легионеры, татарские легионеры... Я поначалу думал, что в тюрьму попадают только те военнопленные, которые поддались на немецкие уговоры, стали легионерами. Но позже, соседствуя со многими бывшими солдатами, слушая рассказы об их непростых судьбах, я начал понимать, что среди арестованных много обычных красноармейцев, волею судьбы оказавшихся в немецком плену. Сейчас таких «преступников» можно встретить во всех камерах. Они томятся в застенках Чёрного озера без суда и следствия по два года и более. Ну да, побывали в плену, но родину не предавали, это не раз доказано на различных фильтрационных пунктах, когда их личные дела многократно просеивали через грубое и тонкое сито проверки. Если хотя бы одна неделя из жизни в плену оказывалась «непрозрачной», то их тут же отделяли до окончания войны от остальных и передавали в комендатуру! Главная их вина – остались в живых! Сейчас, собрав вместе военнопленных и легионеров, маринуют их в надежде, что рано или поздно обнаружатся какие-нибудь подозрительные факты. Я встретил в камере одного татарина: седовласый, высоколобый, интеллигентного вида. Если не ошибаюсь, он был откуда-то из-под Мензелинска. Дважды неудачно бежал из фашистских лагерей. На третий раз смог уйти от погони и добраться до французских партизан! Сражался против фашистов. После открытия второго фронта англичане забрали его с собой. Имея тысячу возможностей остаться в Англии, преданный своей родине татарин, тоскующий по ней, возвращается в Татарстан... Героическая личность, но всё равно не избежал ареста! Никакой вины на нём нет, казалось бы, но на Чёрном озере считают иначе: «Среди пленных не может быть невиновных, нужно только найти эту вину!» Именно такая директива спущена им сверху... Год сидит человек, два, под конец третьего года он ломается: «Подпишу любую бумагу!» После этого на него вешают всевозможные ложные обвинения. Получив положенный «совершенным» преступлениям «четвертак», он покидает Чёрное озеро. Другого выхода у него нет!..

На Чёрном озере есть камеры и на шесть человек. На третьем этаже. Одновременно со мной там находилось трое легионеров. Один из них, худой, высокий кряшен по фамилии Константинов, заставил меня заново погрузиться в раздумья...

3

Что творится в этом мире, шырк да шырк – скрежещут зубы!

Татарское изречение

Что видел в жизни, что знает о жизни этот легионер! Его держат в такой тюрьме, из которой даже муха не сможет вылететь. Запретили общение с людьми извне! Кроме сокамерников, он ни с кем больше не может поговорить, бедолага!.. Неужели это такой жестокий, отчаянный человек, которого нужно держать под постоянным присмотром за семью замками?.. Малограмотный, похоже, что и в школе-то не учился, он же подпишет всё, что предъявит ему следователь. Огромные, как деревянные лопаты, ладони с толстыми негнушимися пальцами не приспособлены держать карандаш, не то что писать, а фамилия длинная... Кряшен никак не может уместить в строке свою подпись «Константинов», буквы-то у него получаются крупные, чуть ли не с лошадиную голову. А подписать нужно каждую страницу протокола. И следователь

щедр на слова, из кожи вон лезет, чтобы навесить на legionера тысячу обвинений, он мечтает сделать из него крупного преступника, а себя выдать за следователя, равного которому нет на свете! Вялотекущий вначале допрос заканчивается бурным скандалом. От вида Константинова с карандашом в руке следователь приходит в ярость, теряет над собой контроль!.. Он торопит заключённого, вынуждая того нервничать, и даже бьёт его по физиономии!.. Но фамилия всё равно не помещается на листе... Вернувшись в камеру, бедняжка солдат перед сном пытается пальцем по воздуху выводить свою фамилию. Она и на потолке камеры умещается, и на двери, но на бумаге протокола – ни в какую...

Легионеры, легионеры, татарские легионеры... До сих пор нет единого взвешенного взгляда о татарах, чьи судьбы Вторая мировая война собрала воедино. Все известные нам суждения на поверку оказались вздором, ничего, кроме усмешек, не вызывающим. Мы привыкли освещать некоторые события татарской истории, даже мирового значения, с позиций, выгодных большевикам. Несправедливо поголовно обвинять в предательстве и измене татарских солдат, воевавших против фашистов в Италии, штурмовавших Атлантический вал⁹, во Франции, соединившись с маки¹⁰, мстивших немцам. Вопиюще несправедливо! Большинство из виденных мной легионеров – сельские мужики, малограмотные крестьяне, до войны не выходившие дальше околицы родного аула, затюканные и запуганные властью люди. При первой возможности срывались они с тёплых заграничных мест и, не задумываясь о последствиях, бежали домой, спотыкаясь и падая. Свято веря в человечность советской власти. Были, наверное, в лагерях и те, кто пытался очернить советскую власть, раскрыть глаза на преступления против собственного народа в тридцатых годах, особенно, в тридцать седьмом. А кто-то своим умом дошёл до истины. Короче говоря, те легионеры, которые имели представление о звериной сущности советской власти, домой не вернулись, ясно понимая, что их ждёт на родной земле. Яркий пример тому – тюремные камеры Чёрного озера, набитые бывшими военнопленными и легионерами! В какой только грязи не извалялись некоторые наши писатели Шафи Алмаса, оставившего глубокий след в истории войны! Зато прошедший через все круги ада в немецком плену, но не изменивший своим принципам, воинской клятве, чести Анас Галиев коротко, но ёмко сказал: «Знали бы вы, скольких пленённых татарских парней спас Шафи Алмас!» Нет, мы не в силах взглянуть на легионерское движение в таком ракурсе, смелости не хватает, мы до сих пор не в состоянии избавиться от тяжёлых подков, прибитых большевиками, и высвободить шею от коммунистического хомута...

Его закинули к нам в камеру летом, в самый разгар жатвы. По неписанным законам Чёрного озера – ночью. А у меня как раз была жаркая бессонная пора – ночные кошки-мышки со следователем! Татарина из Заказанья, который был родом из-под Арска, арестовали прямо в поле, когда он занимался перевозкой снопов. Все последующие дни он мучительно очищал свою худую одежду, рубаху с протёртыми до дыр локтями, штаны с залатанными коленками, от острых колючек. Светлая, формой похожая на дыню голова его резко контрастировала с живыми тёмно-карими глазами. Когда они начинали оживлённо озираться вокруг, то делали хозяина похожим на плохо прирученного к рукам полудикого зверька. Из-за лысины и живых глаз я принял его за образованного, умного человека. А на деле оказалось, он не то что писать, читать не умел. Во время наших недолгих тюремных разговоров я не помню, чтобы он был чем-то опечален или взволнован. Как говорится, день прошёл – и ладно. В голос, может, и не смеялся этот татарин, но в уголках губ озорные складки появлялись! Перед самым арестом он в гружёную снопами телегу посадил попутный груз – соседскую вдовушку. А женщина та – высший сорт, спелая малина, ни больше ни меньше!.. По дороге из плохо застёгнутой «норки» штанов вывалилось мужское достоинство. «Ну, ну, не прячь такую красоту!» – сказала вдовушка и, взяв сокровище в руки, тут же нашла ему более укромное место. «Из-за этого меня арестовали, что ли?» – недоумевал татарин. А когда узнал, что его взяли из-за участия в легионерском движении, он, вспомнив прошлые фильтрации, сказал: «Тьфу, опять мне старые грехи

шьют! Ладно, пару недель продержат и выгонят пинками!» Россию, пол-Европы проползший на брюхе, но при этом абсолютно ничего не кумекающий ни в истории, ни в географии невеждататарин в этот раз крупно ошибся! Как я уже говорил, он по-русски и двух слов связать не мог. Сколько мы ни старались научить его правильно говорить «конвоир», он обращался к охраннику «комбайн». Узнавший на войне пару-тройку терминов, он вместо «следователь» говорил «истребитель», и ничего с ним нельзя было поделаться, язык его «рихтовке» не поддавался. Всей одежды на нём – рубаха и тонкие штаны, ни трусов, ни майки у бедолаги отродясь не было. Подошла очередь нашей камере идти в баню. На Чёрном озере за чистотой следили зорко, поэтому все дружно, без возражений собрались и отправились на помывку. Всем выдали по кусочку мыла размером со спичечный коробок. После бани поджарое, почти дочерна прокопчённое солнцем и ветрами тело «грозы» вдовушек заказанской стороны облачилось в рубаху и штаны из грубой бязи. На тюремных продкладах закончилась картошка, перебои с поставками овощей, вместо них в суп кладут крупу, и на обед перепадает весьма густая и сытная баланда. Тем арестантам, кто на допросах ведёт себя послушно, подписывает всё, что прикажут, достаётся «премия». С некоторых пор и нашему лысому тоже стали выдавать двойную пайку. За обе щеки уплетает крестьянский сын полную чашку баланды! Ни разу в жизни не наедавшееся досыта, хлебнувшее лиха и на фронте, и в плену, денно-нощно надрывавшееся на колхозных работах дитя природы за короткий срок в камере отъелось на тюремной баланде, округлилось и, поглаживая через белую рубаху прорезавшийся животик, однажды заявило: «Я готов и десять лет тут сидеть, лишь бы не прогнали!» Вот уж воистину, если нет ума у человека, свой займы не дашь.

Может, напрасно Кабир Мухаметшин возмущался, мол, «гостинцы ему не приносят»? Разве не показал нам лысый татарин уровень жизни крестьян в середине пятидесятых годов, которые, между прочим, регулярно собирали урожай, а не бездельничали?! Какие ещё аргументы нужно добавить к желанию крестьянина добровольно остаться в тюрьме, чтобы не помереть с голоду?!

Позже нам стало известно: дело этого бесхитростного дитя природы, преданного сына Земли – татарского крестьянина рассматривали в трибунале, и советские офицеры, золотые погоны которых украшены крупными большевистскими звёздами, неусыпно стоящие на страже советской законности, вынесли приговор: «Английский, французский, бельгийский шпион, своей деятельностью подрывавший устои советской власти, приговаривается к лишению свободы сроком на 25 лет с отбыванием в колонии строгого режима, с последующей ссылкой и лишением гражданских прав сроком на 5 лет». Неудивительно, что такой спрос на работу в органах правосудия. Следователю – денежное вознаграждение, увеличение пайка, его авторитет неуклонно растёт...

История Чёрного озера тех лет укрыта непроницаемым чёрным занавесом. «Колымские рассказы» уважаемого Ибрагима Салахова¹¹ частично позволяют нам заглянуть за этот полог. Какие только наказания не применяли в тридцатые годы!

Мне двадцать два года! Возраст, когда уже способен глубоко вникнуть и оценить любую новость, любое событие! Каждый человек – ценная загадка!.. Но почему-то интереснее изучать людей, распределив их на группы. Почему так произошло? В чём вина представителей той или иной группы? Легионеры, повторно арестованные, репатрианты, студенческая молодёжь. А есть одиночки, которых нельзя причислить ни к одной из групп! Санько. Украинец. В солдатской форме. Влажные губы, густые широкие брови. Разговаривает несколько манерно, любит играть словами. Этот парень безо всякого злого умысла зашёл в красный уголок воинской части и, увидев на обложке одного из журналов фотографию Ким Ир Сена¹², крикнул: «А корейский вождь-то на обезьяну похож!» Трибунал проявил снисходительность: вместо обычного «четвертака» «осчастливил» Санько «червонцем»...

В 36-й камере, где обычно томились шесть или семь человек, я прохлаждался довольно-таки долго. Однажды в дверь камеры втолкнули плотного, округлого, похожего на пчелиный рой, сбившийся зимой в клубок, с огромными, пудовыми кулаками, с чугунной шеей и густо заросшей физиономией человека. Другие, оказавшись по эту сторону двери, робеют и теряются. Потому что для арестанта дверь – самый страшный и непредсказуемый элемент интерьера: кто знает, что ждёт за ней?! А этот... можно подумать, на парад вышел. Грудь колесом, голова гордо вскинута, кулаки сжаты. Станным был этот Шамраев!.. Пайку хлеба разламывал пополам и уничтожал за два укуса. И хотя еды давали – кот наплакал, но Шамраев и такую порцию поглощал с фырканьем, разбрызгивая слюну, кряхтя, чихая и по-обезьяньи почёсываясь. Прикурив папиросу, «убивал» её за две затяжки. Шамраев был не из наших краёв, живущие рядом с татарами русские более или менее привыкали к местным порядкам, а этому нет никакого дела до остальных – здесь он хозяин! Как начнёт рассказывать скабрёзные анекдоты или случаи из личных амурных походов, да во всех подробностях, хоть ложись и умирай со стыда! Он ни разу не рассказывал о том, кто он, откуда, за что попал сюда. А когда не рассказывают, ещё больше хочется узнать. Чувствуя повышенный интерес к себе, заключённый ещё сильнее замыкается – это неписанный закон тюрьмы. Когда Шамраев появился в нашей камере, я был уже достаточно опытным арестантом! Мы так ничего и не узнали бы о нём, если бы в один из дней к нам не подселили ещё одного арестованного. А незадолго до этого Шамраев придумал одну затею. «Сейчас обязательно кого-нибудь приведут. Как только загрохочет дверной засов, мы все прикинемся дурачками. Новичок войдёт – мы молчим, пялимся в потолок и будто ничего не замечаем!» Застучали засовы, загрохотала открываемая дверь, в камеру ввели тихого, бледного, жалкого с виду еврея. Мы – пошедшие на поводу у Шамраева тупоголовые бараны – высунув языки, равнодушно смотрим в потолок. А Шамраев, забыв про им же придуманный уговор, молнией метнулся к еврею. «Аха! Жид! Это хорошо! Была бы моя воля, я бы всех жидов по тюрьмам рассовал!» Вошедший, шумно хлопая белёсыми ресницами, замер, удивлённо взирая то на воинственно настроенного Шамраева, то на нас, с ослиным упрямством корчащихся из себя полудурков. Кто-то, быстро опомнившись, поздоровался с иудеем и начал беседу... Хоть мы и исправили свою ошибку, быстро приняв Исаака Горлицкого в коллектив, но Шамраев всё равно долго бурчал вполголоса в своём углу, как преждевременно разбуженный от спячки медведь. Теперь мы понимали, кто он: этими несколькими грубыми словами он выдал в себе или полиция, или жандарма. Наверняка этот злыдень, сбежав от наказания в Татарстан, отлёживался где-нибудь на тёплой печи.

Исаак Горлицкий тоже живым и невредимым вернулся в Казань. Продолжил заниматься своим делом: продавал в киоске всякую необходимую в быту мелочёвку, газеты и журналы. Не скажу, что мы с ним часто виделись, но время от времени пересекались. Исаак был справедливым и послушным, всегда стремящимся сделать добро человеком. При каждой встрече он вспоминал Шамраева, никак не мог забыть унижения, которые нанёс ему этот ублюдок в первый же день.

Никогда не забываются люди, обогатившие тебя какой-нибудь чертой. И ведь не говоришь себе: «А возьму-ка я за образец для подражания вот это его качество!» Наоборот, всё происходит незаметно, твой ум, твой дух сами по себе вбирают лучшие качества окружающих. Каждое новое знакомство, каждая беседа сродни находке драгоценного клада.

Когда о мужчине говорят «красивый человек!», на какие качества делают акцент?.. Больше сорока лет прошло, а его образ как сегодня перед глазами! Если помыслы твои чисты, разум не замутнён, дух не сломлен, то и в тюрьме Чёрного озера можно сохранить красоту! Тоска давит человека, крошит и перемалывает, человек теряет волю и продолжает мельчать, потихоньку превращаясь в пресмыкающегося, земляного червя. Видимо, в этом и состоит главная функция тюрьмы! Чуть позже я приведу некоторые примеры, свидетельствующие о верности данной мысли. Уже на Чёрном озере встречались люди, потерявшие надежду, махнувшие

рукой на весь мир и на своё будущее. Среди потрёпанных, месяцами не вдыхавших свежего воздуха и не видевших солнечного света людей, больше похожих на подземных гадюк, чем на разумных существ, он выделялся гордой статью, чистотой и опрятностью одежды. А ведь он, как мне известно, не вчера попал в тюрьму, сидит уже три-четыре месяца! Я не смогу объяснить, как ему удавалось сохранять себя, створки его души всегда были наглухо закрыты, но в каждой клеточке его тела чувствовалась уверенность в себе, неуязвимость, сила. Он никогда не спешил, все движения его были размеренны и заранее просчитаны. Держал ли он в руках кружку с кипятком, черпал ли ложкой баланду, вытирал ли тщательно рот после еды белоснежным платком – всё это было изящно и естественно. Как умудрялся он сохранять чистоту платка? Не знаю. Не могу сказать. Шамраев тоже был загадочный, но его тайна была обёрнута в грубость и животную дикость, бессердечие и изуверство. Молчаливая загадочность этого человека также была зловеща и нагоняла страх, но вместе с тем была в ней и какая-то притягательность. Взгляд его был зловещ или манера стоять посреди камеры неприступной скалой, но если с палачом Шамраевым я согласился бы остаться в камере с глазу на глаз, то с этим человеком – испугался бы. Хорошо, что нас шестеро было! Этот человек ни с кем не разговаривал, наши беседы не поддерживал. Если, перехватив его взгляд, попробуешь завязать разговор, он краешком глаз холодно улыбнётся и постучит пальцем по уху, мол, «не слышу». Наблюдая за ним, я по некоторым признакам понял, что он прекрасно слышит, но не хочет с кем-либо из нас разговаривать. Фамилия этого странного человека была Аюкин. Фамилию-то не спрячешь, и изменить её проблемно, потому как конвой, войдя в камеру, первым делом ткнёт кулаком в грудь и спросит: «Фамилия?» И так он поступит с каждым арестантом. И лишь потом уведёт того, за кем пришёл. Аюкин так Аюкин. Не татарин, факт. Загадочного, подозрительного, но при этом красивого мужчину недолго держали в 36-й камере. Вскоре мы прослышали о том, что Аюкин в оккупированном немцами Пятигорске был начальником жандармерии. Вот так вот, в тюрьме, если очень захотят, любую тайну раскроют! Жандарм... Кровь стынет в жилах. Не одни только шамраевы зло на земле множат, но и такие вот щёголи-аюкины, молчаливые исподтишочники, любят кровушки людской попить. Внешность зачастую обманчива... Пока ты любишься красотой, крышечка-то котла р-раз и захлопнулась... и ты в мгновение ока стал желанным лакомством для изуверов!

Тюрьма – это гнездо «живых» вестей, сюда они слетаются, отсюда же и вылетают в мир. Заключённых непрерывно перегоняют из одной камеры в другую. После обысков, которые устраиваются раз в пять-шесть дней, мала вероятность оказаться в камере, где ты сидел ранее. Надзиратели так наловчились, что от их зоркого глаза не ускользнёт ни одна чёрточка, будь она даже размером с комариное бёдрышко, нацарапанная на стене, ни одно крошечное, размером не больше чечевичного зёрнышка, пятно на полу. Они буквально облизывают камеру сверху донизу. В прочитанных мной книгах сказано, что тюремные стены – это настоящий архив, в котором хранятся стихи, завещания, наставления и прочее. На Чёрном озере подобное абсолютно невозможно. Личный обыск проходит с невиданным унижением, тщательно ворошат волосы, приказывают то сесть на корточки, то встать на колени. Оголив твой зад, раздвигают ягодички и что-то ищут в этих тёмных глубинах. Муса Джалиль¹³ испытал все тяготы немецкого плена, был узником суровых тюрем Моабит и Шпандау. Если бы Муса сидел на Чёрном озере, мы его последних стихов ни за что бы не нашли. Немецкие тюремщики по сравнению с нашими кажутся детьми, учениками, не правда ли? Надзиратели точно знают, что в камерах нет никакого криминала, они его и не находят. Главная цель шмонов – унижить заключённых, сломить дух. Если услышите, что кто-то хвастается, мол, перестукивался через стену камеры Чёрного озера морзянкой, не верьте! Это ложь! Чёрное озеро – огромная трёхэтажная тюрьма. Она словно плывущий в кромешной тьме чёрный корабль, там любой шорох за версту слышен, попробуй-ка постучи! И не заметишь, как окажешься в сыром, холодном карцере, кишасщем мокрицами!..

Ради чего, из каких коварных соображений беспрестанно переселяют арестантов из одной камеры в другую? С высоты прожитых лет я так представляю себе этот процесс: в конце недели собираются три-четыре следователя и раскидывают в несколько кучек бумажки с именами арестантов подобно тому, как раздают колоду карт. Затем совещаются: кого с кем им наиболее выгодно посадить? Тюремщики давно освоили феномен «психологическая совместимость». Раньше я слышал о том, что следователи частенько спускаются в тюремный коридор и, прильнув к волчку, наблюдают за поведением, вслушиваются в разговоры предоставленных самим себе арестантов, изучают их повадки и делают заключения о том или ином человеке – так оно и было, оказывается. Арестант – это, в общем-то, запертый в клетку зверь. Заключение каждый переживает по-своему. Некоторые замыкаются, а кто-то даже в отсутствие темы всё равно болтает, лишь бы убить время. Кто-то пытается вспомнить забытые, на воле казавшиеся ненужными молитвы, чтобы у давно умерших родителей, у друзей и родственников вымолить прощение. В заключении у всех смягчается характер, многие начинают осуждать себя за свершённые злодеяния... Правда, совсем обмякших тоже не любят, стараются держать таких на удалении. В камере вынуждены тесно сосуществовать люди с различными характерами и привычками. Следователи стараются посадить вместе людей, абсолютно не подходящих друг другу. Чтобы арестанту не только на допросах было спокойно, но и в камере! Тогда арестант быстрее сломается, начнёт подчиняться. Совместимость космонавтов изучают сотни учёных в специальных институтах. Если несовместимы – беда! пытка!

В арсенале тюремщиков Чёрного озера огромное количество способов усмирения строптивых арестантов! Попробуй потягайся с ними!.. Запретят передачи-гостинцы. Подселят в камеру «отборный» человеческий сброд: мелочных, наглых, буйных, обжор, дураков и придурков всех мастей, людей без стыда и совести. Один воняет так, что нутро выворачивает от этого смрада. Другой храпит на всю тюрьму, задыхается, вскакивает посреди ночи и, выпучив ошалелые глаза, начинает теревить тебя, кусать. У третьего хронический сквозняк в пятой точке... «надует» так, что хоть вешайся, вонь на зубы липнет. Четвёртый папиросину «поедает» быстрее, чем макаронину.

Кстати, о куреве... В 36-й камере мы, как правило, сидим впятером-вшестером. Большею частью – легионеры, деревенские кренделя. Никому из них передачи не носят. Курево – дефицит! В один из дней от запасов табака остаются жалкие крохи. Колумбов нет¹⁴, из Америки табак не привезёшь! А табак... верный спутник солдат и арестантов! Не то что сигарета, окурок ходит в чине генерала. Русские уважительно величают его: «чинарик». Окурок пускают по кругу. Чтобы не жгло пальцы, мастерят мундштук, один на всех. Крошат пустой спичечный коробок, щепки смешивают с бумагой, используя вместо клея намятый хлебный мякиш, лепят некое подобие мундштука. Кому первому затягиваться, кидают жребий. Счастливчик делает глубокий затяг и выдыхает дым в рот вставшему в очередь соседу. Путешествуя из одного рта в другой, дым ослабевает, и до последнего в очереди доходит один запах. Так вот маленький окурок приносит в камеру большое счастье. Очередь не нарушается. Если попытаешься влезть без очереди – считай, что ты труп, за курево и глотку запросто могут перегрызть. Не дай бог, конечно. Наконец, выкурены последние крошки, в камере воцаряется тишина и уходит она, похоже, не собирается. Оставшиеся без курева семь мужиков – попавшие в западню семь львов, семь трёхглавых драконов! От табака не осталось и крошки, все карманы перерыты, углы тумбочек многократно подметены! Красную площадь в Москве столь тщательно не метут, наверное! «Ни у кого не осталось?!» В один голос: «Ни у кого!» Наступает очередь самодельного мундштука. Пропитанную никотином бурую трубку ломают, измельчают и делают из этого «табака» самокрутку. От одной затяжки жутко горькой и вонючей «сигарой» из глаз брызжут слёзы, вся камера начинает кашлять и чихать. Едкий дым выползает в коридор, надзиратель тоже давится кашлем и колотит в дверь камеры пяткой большого железного ключа: «Вот я вас!.. Без воды и туалета оставляю!» – грозитя вертухай.

Камеры Чёрного озера никогда не пустуют, но встретить здесь кого-то, кроме сокамерников, – и не мечтай, небывалое дело! Если по коридору должен пройти встречный конвой, тебя немедленно втолкнут в тесный деревянный ящик, размером с древнеегипетский саркофаг для мумии. Такие «гробики» предусмотрительно расставлены в каждом углу тюремного лабиринта. Шарканье арестантских ног можно услышать только во время десяти – пятнадцатиминутных прогулок. Эти прогулки по дну высокого каменного мешка большая радость для заключённых. Без них человек, лишённый солнечного света, голубого неба, белых облаков, быстро жухнет и умирает. Сидят в тюрьме и женщины. Когда они выходят на прогулку, оглашая тюремный двор стуком каблучков, мужские камеры замирают, все мужчины стараются как можно ближе придвинуться к стене, выходящей во двор...

4

Не надо стремиться на встречу с прошлым,
потому что неизбежны разочарования.

*Василь Быков*¹⁵

Вести, слухи, было-не было...

Я сейчас многое знаю! В одной из камер сидит студент университета Адлер Тимергалин¹⁶. Мой земляк. На воле мы очень редко встречались. В одной из квартир на улице Подлужной жили несколько студентов. Случайно забредя в этот район, я зашёл и в их квартиру: тесная жаркая комната полна парней, некоторые разделись до маек – горячие споры, крики, накурено так, что казалось, дым под давлением вырывается сквозь щели. Дали слово и мне. Адлер, помнится, упрекнул меня в замкнутости и пассивности. Не могу до конца согласиться с этим, но запомнился Адлер как ершистый, целеустремлённый, точно знающий, какой дорогой ему идти, человек. Он казался мне нестигаемым, обладающим сильным, намного сильнее моего, духом. Недоставало мне духовной зрелости, это правда, ветреным я был. Сейчас-то понимаю, что незаслуженно превознося каких-нибудь проходимцев, увязывался за ними и совершал немало ошибок, но... Прошлого, как известно, не воротить. Да разве избавлен я, сегодняшней, от ошибочных оценок и суждений?! У татар есть меткая и ёмкая фраза: «Алтыдагы алтмышта». Перефразируя пушкинскую строку, смысл этого татарского выражения можно перевести так: «Заблуждениям все возрасты покорны – и шесть лет, и шестьдесят».

В тюрьме все, кажется, знали о том, что по соседству сидит Адлер Тимергалин. Если скажу, что в то лето в каждой камере сидело по студенту, буду прав. Но самым знаменитым и восхваляемым, о ком слагали легенды и передавали из уст в уста, был Адлер. Он, оказывается, на допросах говорил о порочности советской власти, о жестокости Сталина! Ничего не стесняясь, никого не боясь, глядя следователю в глаза! А те его даже побаивались якобы. Решив, что Адлер тронулся рассудком, его повезли на экспертизу в психбольницу, что на Арском поле. Ведь таких арестантов Чёрное озеро ещё не видывало! Не забывайте: это пятидесятые годы! Не знаю, говорил Адлер эти слова или нет, но уверен, что парня на Арское поле, в самую строгую из тюремных больниц России, возили. Легенды на пустом месте не рождаются. И покалеченным, измождённым узникам Чёрного озера тоже нужен был герой-богатырь из своих. Рассказывая о его подвигах, они и сами растут... Ага, – радуются они, – вы, чекисты, нас-то одолели, а попробуйте-ка теперь Адлеру Тимергалину горло перекусить! Что, вязнут зубки-то?!

Услышав однажды: «Мазит Рафиков¹⁷ тоже в тюрьме», я не поверил. Этот человек буквально поклонялся советской власти, написал сотню стихов, восхваляющих Ленина-Сталина и их деяния. Как он мог оказаться в тюрьме? Летом сорок девятого, отдохнув на каникулах в родном Кугарчинском районе, Мазит Рафиков, брызгая слюной, рассказывал о благополучии колхозов, о сытой и счастливой жизни крестьян под чуткой опекой Сталина. Я, рассказывая по

возвращении с каникул о противоположном, вступил в спор с Мазитом. «Нам пора переходить на американскую фермерскую систему! Без этого нам крестьян не прокормить», – пытался я переубедить оппонента. Кто же думал, что мои слова вскоре лягут на стол КГБ?

Вторым знаменитым арестантом был студент юридического факультета университета по фамилии Фролов. Но не столько поступками он прославился на Чёрном озере, сколько бородой. Едва перешагнув тюремный порог, ты попадаешь «в плен» к парикмахеру, он буквально поработает тебя! Не допустит ни единого волоса на твоей голове, придёт и сбреет едва обозначившуюся растительность. Огромным, лысым, мутноглазым был наш парикмахер. А Фролов не дался этому громиле, не позволил сбрить бороду. Когда тот намеревался применить силу, Фролов, зажав бороду в кулак, закатывал истерику, начинал кататься по полу! В конце концов объявил голодовку! Выведенные из себя охранники связали парня и начали запихивать еду во все дыры – и снизу, и в уши, и в ноздри. Мне тоже довелось повстречаться с этим человеком, месяц державшим всю тюрьму в напряжении. Получивших срок арестантов некоторое время томят в больших пересыльных камерах. Встретив в такой камере Фролова, я был крайне изумлён: нескладный, сутулый, маленького роста, смирный туберкулёзник предстал передо мной. А его легендарная борода, лучше б мне этого не видеть, три волосинки в шесть рядов! Вот так Илья Муромец!

Там же, в пересыльной камере, состоялось моё краткое знакомство с ещё одним интересным человеком. Переводчик Молотова¹⁸, русский по национальности, изъездивший полмира, мог бы дать ответы на многие мои вопросы. Жаль, быстро расстались! Хотя за год, проведённый в застенках Чёрного озера, я лучше стал разбираться в различных проблемах, но неразрешённые вопросы всё равно оставались:

– Почему именно в сорок восьмом году стали массово сажать военнопленных и легионеров?

– Почему именно в сорок восьмом стали заново сажать тех, кто однажды уже отбыл срок на каторгах и в тюрьмах?

– Почему именно в это время стали сажать репатриантов?

– Почему самых талантливых, грамотных, выделяющихся из общей массы передовыми взглядами студентов высших учебных заведений бросали в камеры, отрывая от учёбы и изолируя от общества? Арестовали даже Гурия Тавлина¹⁹ и Мазита Рафикова. Какие же они «враги народа»?

Кстати, о студентах. В тридцать шестой камере я встретил студента биофака Михаила Хошабу. Низкорослый, плотный ассириец с густой порослью чёрных кудряшек на груди удивил меня тем, что умел ловко перескакивать с одного языка на другой. «I can see the sun when it is raining», – начинает он петь по-английски и вдруг неожиданно продолжает на татарском:

Суның кадерен чүлдән килгән
Юлчылардан сорап бел.
Дусларыңның кем икәнән
Авырлыкта сынап бел!

Незатейливая вроде бы песенка: «О цене воды спроси у путников, прошедших через пустыню. Цену друзьям своим узнаешь, лишь пройдя сквозь беду», а у меня глаза увлажняются...

Михаил тоже благополучно вышел на свободу. В конце пятидесятых годов, я тогда работал в редакции журнала «Чаян»²⁰, этот стремительный, как молния, и круглый, как колобок, человек «перекатился» через порог нашей редакции! Ладный парень с ассирийским лицом обратился ко мне: «Не одолжишь ли немного денег на дорогу?» Куда уж он ехал, я забыл. Но

вот, что деньги занимал, помню! Сам-то я жил в те времена небогато, можно даже сказать, бедствовал. Снимал крошечный угол в Новой Слободе, где ютился с молодой женой и недавно родившимся первенцем Искандером. Сообразительный, живой был Михаил Хошаба, ассирийский парень!

* * *

Из 36-й камеры, живущей сдержанно и терпеливо, как, собственно, и предписывают тюремные порядки, меня перевели на первый этаж. Оказавшись в узкой, тесной камере, я сразу же загрустил. Пустая камера всегда ввергает арестанта в страх и уныние, леденит душу. Почему меня переселили? Какую подлость они опять задумали? Со следователем в последнее время каких-либо заметных разногласий не возникало, хотя одно всё-таки было: желая очертить Шарафа Мударриса²¹, он пытался разными нечистоплотными методами выбить из меня показания, но ничего не добился. Зачем они привязались к Шарафу, не понимаю.

Почему я здесь? Мысли мои – скакуны, сбросив седока, мчатся в непроглядную даль. Я загрустил, вспомнил родителей. Что, интересно, говорят обо мне однокурсники? Чувствую, их по очереди вызывают в эти дни на Чёрное озеро на допрос. Какие показания они дают?

Три-четыре дня промаявшись в ожидании каких-либо новостей-изменений, я собрался было лечь спать, как перед самым отбоем в камеру вводят, кого бы вы думали? Нигмата Халитова! Расстались мы с ним по-хорошему, и в этот раз встретились, как старые друзья, обнялись. «Не отпустили?» – с лёгкой усмешкой спросил Нигмат-ага. «А тебя?» – задал я встречный вопрос. «Нас великое множество... Люди день ото дня прибывают. Вскрываются новые факты, дело пускают на следствие». Увлёкшись беседой, мы не заметили, как начали разговаривать в полный голос. Загремела жёсть волчка. Сегодня надзиратель – «китайка». Действительно похожая на китайку, желтолицая, раскосая татарка – злючка из злючек. Если случайно навалишься спиной на стену или если заметит, что сидишь облокотившись, «китайка» тут же вскипает: «Не прислоняйся!», «Не облокотись!» «Я тебе...» Русский-то весь избит-переломан у бедолаги. Давно, видимо, забыла она, как разговаривать по-человечески...

У заключённых к дежурным офицерам, совершающим утренний обход, к ежедневно меняющимся надзирателям своё, строго определённое отношение. Оно никогда не меняется, передаётся из поколения в поколение. Годы и узники не ошибаются: надзиратели никогда не снимут однажды надетые оболочку и маску. Среди надзирателей есть ещё один татарин. Долговязый простой деревенский парень. Как уж он оказался в этой собачьей своре, непонятно. Тихий, обходительный, никогда не повысит голос, не станет торопить. В закоулках коридора может и коротко расспросить, поинтересоваться, как дела. Увидев, что ты мучаешься без курева, даст пару-тройку папирос. И стар и млад обращаются к нему уважительно: «Абый»³.

Кличка невысокого русского надзирателя, лающего, словно сторожевой пёс, Кусачки. Нам для подстригания ногтей выдают железные кусачки. Коротышка – точь-в-точь этот инструмент! Одна сторона острая, другая – тупая. Среди дежурных больше всего мне запомнился офицер по фамилии Пронин. Именно он принял меня ночью. Мурлыча от удовольствия, раздел догола, обрезал все пуговицы на одежде, из ботинок вытащил шнурки... Ведя по коридору, он до боли стискивал запястья арестантов, не шелохнуться! Никаких наручников не надо! Можно подумать, что этот человек прямо тут, в тюрьме, родился, всю жизнь в каземате проживёт, тут и помрёт однажды. Он тут главный, хозяин. С утра заходит в камеру, суровым взглядом обшарит каждый закуток, каждую щель, каждое пятнышко, ничего не упустит. Поначалу он был в звании старшины, уже при мне ему присвоили младшего лейтенанта. Пронин и до этого псом был,

³ Абый – дядя.

а получив «высокий» чин, совсем с цепи сорвался, бешеным псом стал. Ненасытная крыса в золотых погонах этот Пронин: если крови арестантской не попьёт, души заключённым вдоволь не потерзает – до конца дня будет смотреть на всех голодными крысачьими глазками. И словно мерзкий крысиный хвост неотвязно волочилась за ним молва: «Он здесь с тридцать седьмого года служит, много душ прошло через его руки»... Всех подробностей не знаю, говорю то, что услышал от других. Пронин и сейчас жив – седой, скособоченный, тихий старичок...

Но самое удивительное в другом: в дни моего пятидесятилетнего юбилея телеграммы шли целую неделю, а доставлял их не леший с болота и не шайтан из подземелья – Пронин, да-да, тот самый бешеный пёс Пронин! Узнал он меня или нет, я не уточнял, не хотелось ставить человека в неудобное положение. Позже через работников почты узнаю: фамилия этого почтальона Седов, согласно анкетных данных, «всю жизнь проработал преподавателем физкультуры в школе». Правда о Чёрном озере настолько глубоко запрятана, все ходы наперёд просчитаны, даже такие мелкие сошки, как надзиратели, прятали настоящие фамилии, живя под прикрытием служебных прозвищ.

Ой, я же совсем не про это хотел рассказать, видать, от долгого сидения в пустой камере мозги набекрень съехали, не в ту степь завели! Когда появился Нигмат-ага, я успокоился и спал крепче. Резко проснулся от злого громогласного «Подъём!» Вскочил как ужаленный, сходил в туалет. Вместе мы вылили парашу и стали ждать чай. Устрашающе грохнул засов, мы синхронно заложили руки за спины и насторожились. Вошёл Пронин, пристально оглядев камеру, высунул голову в коридор и призывно кому-то махнул. Ввели приземистого, невзрачного мужичка. Спичками торчащие во все стороны рыжие усы и борода ещё сильнее подчёркивали его неприглядность. У того, кто приходит с воли, в руках обязательно какой-нибудь дорожный узелок, у тех, кого переселяют из других камер, под мышкой зажаты матрас, одеяло и подушка, а у этого руки были абсолютно пусты. Пронин процедил сквозь зубы, надменно шевельнув бескровными губами: «Эй вы! Принимайте царский подарок!» Выйдя из камеры, он ещё долго подглядывал за нами в немигающий хищный зрачок волчка. На вошедшем была суконная шинель, достающая до пола, на голове – шапка размером с воронье гнездо. Он несколько раз робко обвёл взглядом камеру и неспешно снял шапку и шинель. Худой, кожа да кости, брюки заправлены в изрядно изношенные носки, на удивление изящные шиколотки ног и взлохмаченная голова, вот что предстало нашему взору. «Холодно!» – сказал он, пытаюсь согреть слабым, болезненным дыханием пальцы, напоминающие синюшные голубиные коготки. Его первые слова нас немало удивили: ведь в камере было не скажу, что жарко, но достаточно тепло. Новичок решил разъяснить ситуацию и кивнул на ноги: «Меня снизу привели, из подвала». У него на ногах были импортные ботинки из грубой кожи на толстой подошве, подбитые железным каблуком. Пока мы приняховались да присматривались друг к другу, принесли чай. Новичок не стал класть сахар в чай, запрокинув голову, высыпал песок из пригоршни в рот и в два глотка осушил кружку. Мы на него смотрим, он на нас.

Этот невзрачный человек – легионер, и не рядовой, а ответственный работник газеты «Идель-Урал»²². Ещё до войны Кави Ишмури, а это был именно он, ошивался возле литературных кругов Казани, а в войну выпустил в Берлине две книги стихов под псевдонимом «Кави Таң». По окончании войны он ускользнул от советских войск в Чехословакию и жил там до сих пор под именем Антони Полачек. В декабре сорок девятого Ишмури разыскали и под конвоем привезли на Чёрное озеро. Пока его ни с кем не сводили, держали в подвале, в камере. Следователь Узмашов, радуясь поимке столь крупной «щуки», каждый день потрошит добычу. Ишмури скрывать нечего, увесистая подшивка «Идель-Урал» лежит на столе у следователя. «Да тебя за каждый рассказ можно вешать, мерзкая душонка!» – страшит Узмашов. «Раз так, чего же он меня мучает!» – пустил слезу Ишмури. Бедолага-поэт, измученный одиночеством, подвальной стынью, крысами и зловеще оскалившимся на него будущим, узнав, что я студент университета и даже чего-то там пописываю, сильно обрадовался. Завалил вопросами.

«Мастер точности» Нигмат Халитов, держа чуткие ушки по ветру, время от времени подключался к разговору, избегая задавать откровенно провокационные вопросы. Я отвечал, стараясь не навредить Кави Ишмури. Его многое интересовало: в каком состоянии газеты-журналы, театры, литературные кружки, как живут студенты, какие цены на базаре, в магазинах, и прочее, и прочее!

Я к тому времени повидал немало легионеров, узнал многие их секреты. И хотя я имел приличное количество информации о лагерях Радома, Вустрау, Едлина²³, о сражениях на Атлантическом валу и на севере Италии, но на Кави Ишмури смотрел с удивлением. Впервые встретил я человека, который открыто выступал против советской власти, писал антибольшевистские стихи. Возвышать его или нет? Мне казалось, и я не раз этим хвастался, что много знаю, но правильно определить татарским легионерам и Кави Ишмури верное место в истории мне, конечно, не хватало знаний и опыта.

Ишмури долго не мог согреться. То ли холодный карцер тому виной, то ли его нутро охлаждал непреодолимый страх перед советским судом. Он очень жаловался на недостаточную температуру тюремного чая. Помню, как он мечтательно говорил: «Эх, сейчас бы опустошить кипящий-шипящий самовар чая!»

Этот оборванец-поэт общался с президентом «государства» «Идель-Урал» Шафи Алмасом, принимавшим активное участие в исторических событиях в самом центре Европы, был в тесных связях с Мусой Джалилем.

Я ещё не знал всей правды об основной цели татарского легиона, об их деяниях, воспринимал Кави как чудом вернувшегося с того света. Про Мусу Джалиля Кави ничего особенного не рассказал, говорил о нём с подчёркнутым равнодушием...

Ишмури снова и снова расспрашивал о своих ровесниках, с кем вместе учился, с кем начинал писать стихи: о Шайхи Маннуре²⁴, Хатипе Госмане²⁵. А что я, пупырышек на ровном месте, мог рассказать о таких известных в народе глыбах? Кави больше интересовали бытовые подробности: в каких квартирах живут, что едят, с кем общаются? В «Идель-Урал» напечатали известное стихотворение Шайхи-абый «Тартай арбасы» («Тачка») и посвятили автору целый разворот газеты. «Шайхи смелый поэт!» – сказал Ишмури, решительно поджав разбитые в лепёшку губы.

Меня очень коробило от того, что татарские легионеры – много повидавшие, немало испытывавшие на своём веку, волею судеб оказавшиеся в разных странах, на поверку оказывались примитивными, ограниченными, недалёкими людьми, которые абсолютно не интересовались ни историей своего народа, ни литературой. Я не хочу сказать, что уже в пятидесятых годах был образованным, умным и интеллигентным человеком, но после знакомства с Кави Ишмури, одним из руководителей татарского легиона... в меня вселился один вопрос: и этот придурковатый голодранец собирался вершить судьбу великого татарского народа? Вселился вопрос и выселяться не собирался. Пообщавшись с легионерами других национальностей, русским Кулешовым, переводчиком Молотова, начальником жандармерии Пятигорска Аюкиным... неординарными, загадочными людьми... я невольно невзлюбил Кави. Слава богу, нас недолго продержали в одной камере, и следователь ни разу не задавал мне вопросов об Ишмури.

Благополучно вернувшись в Казань, я всё как есть рассказал Шайхи-абый. Не стал скрывать и своего неприязненного отношения к этой мрачной личности.

«Меня расстреляют! – душераздирающе вопил Ишмури, ещё не остыв от допроса у тюремного стервятника Узмашова. – Как пить дать, расстреляют!»

Трибунал проявил снисхождение к этому больному, слабому, сломленному духом, жалкому поэтишке. Кави Ишмури не расстреляли, приговорив к двадцати пяти годам. Согнувшись в три погибели от благодарности, Ишмури пожелал всем судьям долгих лет жизни, крепкого здоровья и райского благополучия. В пятьдесят шестом году, когда заключённых толпами

стали выпускать на свободу, вышел и Ишмури, вернулся в Казань. Встретился он и с Шайхи-абый. «Ничего он не добавил к моим сведениям о Мусе, слишком низок горизонт у парня», – усмехнулся Шайхи-абый.

В нашей истории не так много событий, про которые можно сказать «татарское движение, татарский подъём, татарское национальное дело». В самый разгар Второй мировой войны известная многим национальная организация «Идель-Урал» приобретает новое содержание, новые оттенки. До сих пор не было такого человека, который сказал бы веское слово и дал справедливую оценку официальному руководству «Идель-Урала», сосредоточенной вокруг Мусы Джалиля интеллигенции. Но в последние годы, особенно после того, как в Казань попали воспоминания Анвара Галима²⁶, народилась буря жарких, противоречивых, «братоубийственных» споров, лишённых при этом каких-либо веских аргументов-доказательств, – очень даже свойственно это нам, татарам. Рукопись совсем ненадолго попала в руки и к вашему покорному слуге. Упершись локтями в эти мемуары, раздувшись от важности, я не собираюсь выражать каких бы то ни было новых идей, говорить что-то иное, доселе неизвестное о Мусе и его окружении, упаси меня Бог от такого. Если необходим какой-то новый, обновлённый взгляд на всем известное старое, пусть его вырабатывают специалисты, которым ведом каждый шаг Мусы и его группы, каждое их деяние. Мир не изменился, просто открылись его теньевые полушария, практически низвергнуты решётки архивов, обмякли и поддались замки на ртах. А значит, изменится взгляд и на татарскую историю, откроются и выйдут на авансцену новые неопровержимые факты и доказательства... Будущее само покажет, нужна или нет справедливая оценка деятельности Мусы и его окружения. Попытки подкорректировать историю зачастую приводят к ещё большему её искажению!

Анвар Галим – новое для нас имя. Он умер 3 марта 1988 года в Нью-Йорке от обширного инфаркта. Почуввав приближение смерти, Анвар Галим передал ключи от квартиры своему коллеге по работе в нью-йоркском бюро радиостанции «Азатлык» («Свобода») Сабирзяну Бадретдину. Бадретдин и его близкие друзья похоронили Анвара Галима на мусульманском кладбище. Да пребудет душа покойного в раю! Прости ему, Всевышний, все прегрешения, вольные и невольные! Рядом с Бадретдином на прощальной молитве стояли соотечественники Рокия и Абдулла Вафалы. Позже они все вместе заходят в дом покойного, перебирают его вещи и находят среди них объёмную рукопись. Пробежавшись по страницам, приходят к единому мнению: эти записи не должны потеряться, и отправляют пухлую папку, которую покойный автор незатейливо назвал «Воспоминания», Гарифу Султану²⁷ – шефу татаро-башкирской редакции «Азатлык» в Мюнхене. Султан-эфенди с вниманием относится к рукописи, делает с неё некоторое количество ксерокопий. В 1990–1991 годах он дарит их нескольким соотечественникам, путешествовавшим по Мюнхену.

Ни о рукописи, ни о знатных эфенди я прежде не знал. Услышав однажды фразу: «Кое-кто уже роман дописывает на материалах этой рукописи!», я обрадовался: и у татар, оказывается, есть пророство!

Как я выше предупредил, становиться хозяином этой рукописи, как-то использовать её в своих целях не собираюсь. Единственное, включу в книгу коротенький отрывок из воспоминаний, и то лишь те страницы, которые покойный автор посвятил Кави Ишмури. Думаю, у меня есть на это право: на Чёрном озере первым встретил его, я. Текст даю без изменений, немного подкорректировав шероховатости авторского языка.

195-я страница рукописи Анвара Галима озаглавлена: «Один вечер с Кави».

«Берлин. 1943 год, 12 августа. 11 часов вечера.

Не успел я прочесть распространённое среди легионеров Мусой Джалилем воззвание Ахмета Симая, как вошёл работник редакции «Идель-Урал» Кави. Невысокого роста, плотный, с непомерно большой головой. На родине он успел два года поработать после окончания техникума учителем, а также в редакции местной районной газеты. В этой же газете

он опубликовал свои стихи. Но в издающихся в Казани более крупных газетах его стихи не приняли, не опубликовали. Только в «Яшь ленинчы»²⁸ («Юный ленинец») дали два его детских стиха, по двенадцать строк каждый. С момента опубликования этих двух стихов и до самого начала войны Кави, возомнив себя поэтом, неоднократно ездил в Казань, мечтая устроиться в какую-нибудь редакцию, но мечте его не суждено было осуществиться. В каждой редакции к нему относились с прохладцей, всюду он слышал лишь одно: «Вам ещё нужно учиться и учиться, присылайте нам из района свои стихи, а мы тут будем решать». Здесь, в Берлине, начав работать в редакции «Идель-Урал», он решил было: «Передо мной открылась широкая дорога, буду теперь беспрепятственно публиковать свои стихи», – но вышло опять не по его. Алиши²⁹, сам будучи писателем, подправлял его стихи и посоветовал ему переделать их. Поэтому Кави недолюбливает Алиша, считает, что тот напрасно придирается к нему, мешает творить.

Кави с порога скинул военную форму и, устало охнув, плюхнулся на стул. «С охоты возвращаюсь», – пояснил он. Его охотничья делянка – лагерь для русских и украинских девушек «Остарбатер»³⁰. Кави почти каждый день после работы мчится туда. Немного переведя дух, Кави начал разговор: «Сегодня оставил своей девушке немного картошки и хлеба, а также продовольственную карточку». Удовлетворение этим поступком можно было прочесть на лице Кави. Я ничего ему не ответил, ждал, что он дальше скажет. Увидев, что я не настроен на разговор, Кави встал со стула: «Что случилось, ты какой-то не такой сегодня, что-то произошло?» Я рассказал, что взяли Алиша, арестовали Мусу. «Значит, следующим будешь ты», – сказал Кави. Я удивился. «Это почему же, Кави, какое отношение я имею к этим двоим? Или ты сомневаешься во мне?» – спросил я. «Вы все одна шайка, одного поля ягоды, наверняка знаете, кто чем занимается», – пробубнил он. Я объяснил ему, за что их арестовали. Кави успокоился. «Теперь, друг Кави, литературой в редакции будет заниматься Симай. У тебя с ним отношения вроде бы неплохие, стихи твои публиковать будет полегче», – после этих слов Кави раскрылся. «У меня есть одна обида на тебя», – сказал он. – До сих пор ты ни одного моего стиха не взял для литературного журнала, хочу узнать, почему, или мои стихи хуже, чем стихи Нигмати?» «Кави! – воскликнул я. – Значит, хуже, я ведь тоже умею плохое отличить от хорошего. Если ты будешь меньше спешить, а больше думать и стараться, я уверен, ты напишешь хорошие стихи». Я давно понял, что Кави метит на должность заведующего литературным сектором. Сегодня он понял, что опять не смог осуществить мечту, и после недолгой паузы перевёл разговор в другое русло: «Знаете, Галим, по правде говоря, арестовать могут и меня. Потому что где-то с месяц тому назад Алиши повёл меня на квартиру Идриси-ханум. Кроме Ахмета Симая там были Муса Джалиль, Гариф Ш., Фуат Булатов. А на столе стояла бутылка водки. Немного выпили. Все начали что-то оживлённо обсуждать, мне не хотелось присоединяться к их разговору. Только Ахмет Симай подошёл ко мне: «Кави, приятель, очень хорошо поступили, спасибо, что пришли, об остальном расскажет Алиши, он всё вам объяснит», – сказав это, он покинул квартиру вместе с Мусой. Мы недолго пробыли после их ухода. По пути домой Алиши был немногословен: «Это был тайный кружок, никому не рассказывай, позже я объясню, что к чему», – вот и всё, что я услышал от него. После этого прошло много времени, но Алиши ни о чём мне так и не рассказал. Ничего, кроме: «Позже, в другой раз!», я от него не дождался. Сейчас-то я понимаю, за что их арестовали, ох как понимаю! Значит, они и меня выдадут. Я, наверное, тоже занесён в их списки!» Желая успокоить Кави, я посоветовал: «Если ты ничего, кроме того, что рассказал мне, не знаешь, то тебе не о чем переживать. Может, и вызовут тебя на допрос, расскажешь им всё как есть». Но Кави на этом не успокоился: «В лагере Остарбатер ждут, что советские войска дойдут до Берлина, мол, поражение немецкой армии неизбежно, не раз я слышал перешёптывания на эту тему. А ты как думаешь, чем всё закончится?»

Хоть и не хотелось мне размышлять о том, чем закончится война, но Кави я всё же ответил: «Не знаю, возможно, я ошибаюсь. Может, мыслю неправильно. Но в победу русских, в то, что они дойдут до Берлина, верить абсолютно не хочется. Даже если русские окажутся в Берлине, то я надеюсь, что между ними и американцами возникнут какие-нибудь конфликты. Но если русские и вправду окажутся здесь, то нам ничего не останется, как бежать... По-немецки мы мало-мальски шпрехаем, может, получится здесь осесть, а может, американцы нам помогут, как знать?» «Нет! – отрезал Кави, – если меня арестуют, если закроют в тюрьму, то для меня самое лучшее – просидеть в тюрьме до прихода русских. Вы – другое дело: и статью вышли, и мастью удались. А если я скажу, мол, только что из тюрьмы вышел, а сидел за то, что не хотел с немцами сотрудничать, за то, что боролся против них – мне поверят и ничего не сделают. А если не посадят меня, тогда к приходу русских взлохмачу волосы, надену рванину, обрасту щетиной, измажусь в грязи и буду в таком виде ходить по улицам. Им ничего не останется, как сжалиться надо мной и отправить домой – и это будет лучший вариант для меня». Такие вот планы были у Кави.

Я объяснил Кави, что ничего хорошего в стране не будет, никаких облегчений и поблажек для нас, как бы мы ни старались, не сделают, уважения нам у властей ни за что не снискают. Во время разговора я наблюдал за Кави и подмечал проявления его нервозности и взволнованности: он то и дело чесал шею, громко шмыгал, часто отряхивал ёжик волос. Он молча поднялся со стула и направился было к двери, но снова развернулся: «Скажи правду, немцы били Алиша во время ареста?» – «Кави, вот ты был в лагере для пленных, в легионе, и в редакции часто встречаешься с немцами, скажи, тебя когда-нибудь били, насмехались над тобой, унижали?» «Нет, – ответил Кави, – пока ничего такого не было. Я боюсь избиений, и если к русским попаду, тоже боюсь, что избивать они будут, иначе я так не волновался бы...» «Ни по рукам, ни по ногам Алиша не сковывали, даже плохого слова не сказали, увели, как будто давнего хорошего знакомого», – ответил я. После этих слов Кави просиял лицом. «Хорошо было бы и завтра поговорить, будет ли у тебя время? Я каждый раз, вернувшись из лагеря, не знаю, куда себя деть», – с этими словами он ушёл от меня.

Назавтра мы не встретились. Потратив немало времени в поисках нового жилья, я поздно вернулся домой. Через несколько дней после ареста А. Алиша арестовали и Кави. Но через пару дней выпустили. Ш. Нигмати по поводу скорого освобождения Кави пошутил: «Знаете, почему так быстро выпустили Кави? У него голова не пролезала в дверь камеры, вот поэтому они и вынуждены были отпустить!»

После освобождения Кави продолжал работать в редакции «Идель-Урала» до самого закрытия газеты. Не сомневаюсь, что он не покинул Берлин и после взятия его советскими войсками. А может, поступил так, как планировал: взлохмаченный, заросший щетиной, в старых, рваных одеждах пошёл к советским солдатам, выкрикивая: «Я политический заключённый!» Возможно, какой-нибудь сердобольный офицер и поверил ему. В общем, вести о том, что Кави вернулся на родину, доходили до меня».

Да, вернулся Кави, вернее – вернули его. Чем он жил в Чехословакии, что испытал, прячась там до конца сорок девятого года? Есть тысячи способов спрятаться, но я представляю себе Кави Ишмури и... Нет, пожалел Всевышний мужества для этого бедолаги! Но можно ведь и по-другому рассуждать: трусливые и никчёмные в обычной жизни люди при определённых обстоятельствах проявляют чудеса героизма, не так ли?! Давайте забудем сложившееся об этом человеке впечатление, я хочу добром помянуть покойного: пусть он ни на кого не держит обиды. Когда вокруг рушится мир, когда в пыль перемальваются скалы, а моря низвергаются в бездну, когда день и ночь поменялись местами, и даже само понятие времени искажено до неузнаваемости, какими словами можно описать поступки простых татарских крестьян, вчерашних праведных землепашцев, практически безоружными вышедших против немецкой

лавины, независимо от того, какими способами удалось им уцелеть в кровавой мясорубке? Такие слова есть – это мужество и героизм! Причинил ли кому-нибудь вред, сподличал ли хоть раз Кави Ишмури? Ой ли. Мне особенно запомнилась его радость от того, что он наконец вернулся на Родину, как бы ни унижали его, гоня по этапу. И это самый главный вывод, самый важный итог, который я подвёл после нашего с ним общения. Мы, татары, легко покидаем родную землю, быстро её забываем. Куда бы ни приехали, тут же облачаемся в местные одёжки и со страхом разглядываем себя в зеркале: «Не видно ли, что я татарин? Не заметно ли, что приехал из Казани?» Стремясь угодить местному населению, напяливаем на себя маску и так в ней и живём. Заканчивая мысль, вот что хочу сказать: если вы где-то услышите или прочитаете о Кави Ишмури, не сомневайтесь: Кави Ишмури любил свою Родину!

5

Напрасно шутили: «Кави не пролезет в двери камеры». Пролез Кави, и вошёл, и вышел, проскальзывал как намыленный! Если нужно, тюремные двери могут расширяться! Напрасно боялся солдат: «Будут бить, истязать!» В пятидесятые годы, когда мы «гостили» на Чёрном озере, случаи избиения арестантов были очень редки. Я, конечно, не могу отвечать за всю огромную тюрьму, от карцера меня тоже Бог уберёт, но при этом я ни разу не слышал, чтобы кто-то возмутился: «Били, живого места не оставили!» Как я уже говорил, тюрьма – это своего рода корабль, денно-нощно плывущий по морю бед и мучений к неизведанным островам. Какими бы толстыми дверями с мощными засовами ни ограждали, многие тайные события тюремной жизни становятся известны и понятны заключённым. Со временем арестант, отсидевший немалый срок, становится родным для тюрьмы, для него не остаётся тайн в жизни мрачного трёхэтажного здания. По стуку раздаваемых обеденных плошек ты точно знаешь, сколько людей сидит в соседних камерах. По шарканью обуви на прогулочной площадке тебе известно, сколько человек вывели на прогулку. Щебечет ли одинокая птичка за решёткой – она что-то говорит тебе. Пролетит ли самолёт, надвое разрезая небо, загудят ли охрипшим, простуженным от постоянного пребывания на ветру голосом заводские трубы – это всё информация для арестанта, никаких часов не нужно с такими точными сигналами. Нас не били. Зачем тратить силы на избиения? У следователей достаточно испытанных, широко распространённых способов и методов раздавить тебя, истребить в тебе человечность, навсегда сломить твой дух. Наука истязания лишённых свободы людей, искусство «выделки» их шкур – очень развитая наука, с тысячелетним опытом. Страны непохожи друг на друга, с различными государственными устройствами, со своими конституциями, но система наказаний во все века, во всех странах практически одинакова. Например, лишение сна. Днём не то что лежать, сидеть, прислонившись, запрещается. Тесные, зловонные камеры. Хочешь ты этого или нет, в углу напротив двери ядовитым грибом «растёт» параша. В туалет выводят только дважды в день: утром и вечером. Но человеческий организм не очень-то подчиняется тюремному режиму, все люди разные, и график опорожнения у каждого свой!

На пять-шесть камер один надзиратель. Но и он не сидит на месте, смотрит в глазок, переходя от одной двери к другой, проверяет свои камеры. К моменту отбоя ты уже наполовину мёртв: веки непроизвольно закрываются от сильного желания спать, плечи отяжелели, суставы ломит от усталости. Только ляжешь на шконку – налетает, отгоняя сон, вихрь мыслей! Самое страшное в тюрьме – это мысли. Время близится к полуночи, и вдруг раздаётся гром – открывается дверь. И дверь непростая – тюремная! Неплохо было бы, если бы посадили того конструктора, который придумал эту дверь, но... Заломив тебе руки, обдав запахами лука и чеснока, тебя спешно уводят наверх – в комнату к следователю. Следователь сытый, здоровый, целый день отдыхал, занимался спортом, с женой забавлялся, довольный, от него пахнет дорогим парфюмом. Ты садишься на тяжёлый табурет с обитыми железом ножками и кладёшь руки

на колени. Смотри, мол, руки мои пусты. Следователь на тебя и не взглянет, ноль внимания, ему хорошо, он звонит какой-то Гале, нахваливает, расточает в её адрес пресные, однажды заученные дифирамбы... Кладёт трубку и снова набирает номер... На этот раз Танин. Не стесняясь, хвалит её мягкий, большой, как мельничный жернов, зад, спускается ниже, к коленкам... Смеётся, хихикает! Есть ты в кабинете, нет тебя, человек ты или насекомое – ему всё равно. Поскрипывая блестящими хромовыми сапогами, входит щеголеватый кудрявый капитан. Они тепло приветствуют друг друга, приятельски обнимаются, затевают непринуждённую беседу. Вспоминают чей-то весёлый день рождения, дорогой коньяк, ароматное пиво, раков. Перебивая друг друга, восторгаются. Опять принимаются накручивать покорное ухо телефона. Звонят Николаю, чтобы узнать, когда день рождения Маруси. Время идёт. Повязав на округлый зад маленький фартук, цокая каблучками, в кабинет входит красивая девушка с подносом. На нём бутерброды из белого хлеба с маслом и сыром и пара кружек с ароматным, способным свести заключённого с ума, чаем. Причмокивая от удовольствия, потирая холёные руки, то и дело смеясь над свежими анекдотами, офицеры долго чаёвничают. Поблагодарив за угощение, капитан уходит. Следователь достаёт из серебряного портсигара, украшенного дарственной надписью, ароматную сигарету и закуривает. Подойдя к окну, смотрит вдаль, туда, где за тюремным забором должны начинаться вольные просторы. Снова садится. Берёт телефонную трубку и, передумав, кладёт на место. Опять кто-то входит в кабинет. От долгого сидения у тебя ломота во всём теле, болезненно зудят глазницы и кажется, что нет сил не то что согнуть спину, пошевелить рукой. Ничего не сказав, ни о чём тебя не спросив, следователь захлопывает весьма пухлое «Дело» и вызывает конвой.

На рассвете ты возвращаешься в камеру, ложишься спать, и почти сразу же раздаётся стук волчка: «Подъём!» Попробуй не проснуться, не подняться с кровати! Одна ночь проходит в таком режиме, вторая, третья. Даже самые крепкие люди больше трёх суток не выдерживают. Невзирая на постоянный голод, еда перестаёт лезть в глотку, чай дерёт наждаком, единственная тюремная радость превращается в пытку. На четвёртый день человек ломается, теряет уверенность, становится тенью самого себя, перед его глазами встают разные видения, о какой стойкости тут можно говорить!.. На пятые сутки он уже готов подписать любые бумаги. Прошедшие через это испытание, ожидающие приговор сокамерники подначивают, уму-разуму учат: «От следователей не отвертеться, если живыми выберемся в лагерь, напишем прокурору, да что там – самому Сталину! Главное, не подохнуть на Чёрном озере!» Заключённых, призывающих проявить стойкость, не поддаваться, я в тюрьме не встретил. А ведь здесь, как нигде, жаждешь человеческого внимания, совета, хочется кому-то верить, довериться... Знаю, есть и другие примеры: Жан Вальжан³¹, легендарный человек-камень, девятнадцать лет проведший в кандалах, в холодном каменном подвале, при ежедневных пытках и избиениях. Но остались ли такие нестигаемые герои в безнадёге тоталитарного режима? А ведь я привёл примеры самых простых пыток Чёрного озера, через которые прошли практически все арестанты.

29 февраля 1992 года по телевизору показали документальный фильм «Конец дворянского гнезда. Неизвестный террор». Ведущий, изучив дела³² расстрелянных в томской тюрьме знатных личностей – князей Голицына, Волконского и многих других, приводит немало поучительных примеров и ужасающих фактов.

«Я изучил порядка десяти тысяч дел, – с горечью рассказывает автор фильма. – Всего двое отвергли предъявляемые им обвинения. Их дела так и подытожены: «Виновным себя не признал». Из десяти тысяч лишь двое проявили стойкость! Одна из них – княгиня Елизавета Волконская. С детства прививаемые этому потомку знатного рода благородство, честь, выдержка помогли не сломаться в тюремных стенах. Елизавета Волконская смогла гордо смотреть в лица палачей-большевиков. Помните, жена декабриста Волконского поехала в Сибирь вслед за сосланным мужем. В сталинские времена история повторилась. Вслед за сосланным мужем Елизавета Волконская добралась аж до Томска. Оказывается, он под дру-

гой фамилией работал художником в местном театре. Даже и в этой глубинке сцапали Волконских!.. Их расстреляли, но папки тюремных дел сохранили незапятнанные, гордые имена.

В одной только тюрьме Томска десять тысяч арестантов оговорили себя, легли под топор палача. Даже подумать страшно, каким изошрённым пыткам подвергли их следователи и надзиратели!

А что это, «признать вину»? Думаю, что поговорить об этом, раскрыть суть понятия, самое время и уместно. Ты – гражданин СССР, любишь родную страну, всю жизнь трудишься в колхозе или на фабрике, ударник, стахановец, за страну готов денно и ночью проливать пот и кровь, «до последней ложки». Ты – образец для подражания, не пропускаешь ни одного занятия, посещаешь политические кружки, грызёшь гранит учений Маркса и Ленина и даже знаешь основные постулаты наизусть. У тебя даже нет сменных штанов, но дома на полках обязательно стоят «кирпичи» этих гениев. Ты никогда не нарушаешь законов, не подрываешь устоев социализма, первым идёшь голосовать в день выборов. На демонстрациях, вытягивая жидкую шею, мол, видят ли меня, кричишь во всю глотку «ур-ра!». Но даже при всех этих условиях ты не сможешь доказать, что ты «настоящий советский человек!» Нет, не поверят тебе! Чтобы доказать свою «настоящность», тебе нужно кого-нибудь сдать, надо обязательно помочь соответствующим органам упечь кого-нибудь в тюрьму. Другого пути, других возможностей нет. На партсобрании ли ты разнесёшь в пух и прах соседа или донос напишешь в контору Чёрного озера – дело твоё. Только после этого тебе поверят партия, советы, органы правосудия. А те десять тысяч заключённых томской тюрьмы, которые признали себя виновными, наверняка утянули за собой ещё по несколько человек каждый...

Понимаю, когда твои пальцы прищемляют дверь, под ногти втыкают иглы, горящим бычком прижигают ушные мочки, со всего размаху пинают в пах, поневоле сломаешься. Тюрьма для того и существует, чтобы ломать людей. Нужно крепко помнить вот о чём: построенное Лениным-Сталиным и их приспешниками-кровопийцами государство мало чем отличалось от тюрьмы. Арестантов ломала не только тюрьма, они попадали в камеру готовенькими, со сломленным духом, обессиленные. Тюрьма являлась лишь продолжением политики Ленина-Сталина, российский народ в тюрьме, называемой «воля», влачил жалкое существование – в постоянной нужде, измождённые бесконечным трудом, не свободные люди, а полутрупы. Потому-то из десятитысячной зоологической группы можно на пальцах одной руки пересчитать тех, кто оказался способным сохранить гордость и честь при любых обстоятельствах. Описывая тридцать седьмые годы, многие авторы делают акцент на физических, телесных пытках. Ибрагим Салахов тоже идёт этим путём. В пятидесятые годы тяжесть духовных издевательств была ничуть не легче физических. И вообще, надо понимать, что психология заключённых в каждую эпоху своя. В газете «Известия» от 14 ноября 1991 года вышла большая сводная (информацию прислали корреспонденты со всех регионов России) статья. Буквально на следующий день после объявленной на 13 ноября всеобщей предупредительной забастовки заключённых. «Нужна новая тюрьма!» – таков был заголовок заметки. Значит, для каждой новой эпохи нужна новая тюрьма, подходящая под действующие в эту эпоху новые порядки! Это раз. Среди всей информации обзора меня больше всего потрясла следующая: «Созданная тоталитарным государством исправительная система не только причиняет физическую боль, способствует этому как способу наказания. Ей надо унижить человека, подавить волю к сопротивлению. Из таких тюрем выйдут боящиеся всего вокруг, заранее со всем согласные конформисты, удобные политическому режиму. Тюремщики нацистской Германии и сталинского СССР оказались безупречными психологами! Они так умели ставить дело, что отданный им во власть человек, страдая от бесконечных мелких наказаний, привыкал к настоящему горю. По словам Н. Кристи, охранники из концлагерей с удивлением рассказывают, что заключённые сильнее реагировали на незначительные проявления насилия, чем на жестокие пытки. «Они плакали,

как дети, получив пощёчину. Но они будто не реагировали вовсе, когда их избивали или когда убивали их друзей!»

Тут есть над чем задуматься.

На сегодня через российские тюрьмы прошло более тридцати миллионов человек. Какими они вышли на свободу, кого они воспитали в своих семьях, какие качества вложили в подрастающее поколение?..

11 июля 1991 года из японского порта Теси француз Жерар д'Абовиль отплыл в путешествие через Тихий океан. В одиночку. Длина лодки восемь метров, ширина около двух. В руках у отважного путешественника была лишь пара вёсел! Одолев десять тысяч километров, он за сто тридцать четыре дня переплывает Тихий океан на вёсельной лодке. «Самое тяжёлое, – пожаловался он после путешествия, – всё-таки не бури, не болячки в теле, не душевные переживания, а однообразие. Океан – самая большая в мире одиночная тюрьма, в которой я был добровольным узником, обречённым грести по пятнадцать часов в день».

Даже если возникает ощущение, что что-то происходит, изменяется, человека подавляют жуткое тюремное однообразие и направленность мощных законов лишь на ограничения и запреты.

* * *

Не спешите ловить меня на забывчивости, я помню, помню! Разговор начался с радостных событий в тюремной жизни. Наступил момент раскрыть и эту странноватую тему. Сказать? Самое радостное в тюрьме – мытьё полов в камере, когда забываешься за работой и чувствуешь себя даже немного счастливым... «Детский лепет», – скажете вы! Пусть будет по-вашему. Но что происходит с человеком, когда он забывает о детстве, знаете?.. Он теряет вкус к жизни, начинает болеть и вскоре превращается в ходячий труп.

Грохот отпираемой двери, днём ли, ночью ли, пугает, вызывает прилив крови к голове и слабость в конечностях. Но сегодня в коридоре другие звуки. Весело звякает дужка ведра, где-то с шумом лётся вода. И вот уже лицо твоё светлеет, затёкшие от безделья мускулы расправляются. Сегодня ты с особым нетерпением ждёшь, когда загрохочет дверь. И даже вечно хмурый, неприглядный надзиратель сегодня выглядит по-человечески: в руке у него ведро с водой, в воде плавают выдавшая виды тряпка! Чудеса, сегодня ненадолго и он, и ты становитесь обыкновенными людьми! Ты собираешься совершить доброе дело, он тебе в этом помогает. Дверь с приятным звуком закрывается, и ты остаёшься в камере один с мокрой тряпкой в руках. Ведро! Как красиво изогнута его дужка, а в какие симпатичные проушины она вставлена. Вечно бледный, словно проникающий сквозь трахомную плёнку, свет над дверью окрасил поверхность воды в красновато-розовый цвет. Наклоняйся и смотришь – в зеркало!.. Фу, борода-то какая отросла!.. Вот ты принимаешься за работу... Отжав тряпку, оставляешь первый мокрый след на пыльном полу... след замысловато извивается, кружится и вскоре превращается в цветок. Ты рисуешь этот цветок, снежинки... Наклоняешься, садишься на корточки, опускаешься на колени – каждое движение подчинено твоей воле. Никто не подгоняет, не кричит на тебя. Тряпка с шумом опускается в воду, брызги попадают тебе на лицо, но ты этого не замечаешь, ты – весь в работе. С удовольствием вытираешь пот со лба... По всему телу разливается радость. Не торопись, не спеши! Продли наслаждение, почувствуй в полной мере вкус полезного труда! А ты и не торопишься, какое там, ты тщательно вылизываешь каждую выбоинку в полу. Мокрая тряпка снова и снова, в тысячный раз перецеловывает каждую трещинку, а они вовсе и не против, лишь довольно поблёскивают в ответ! Что это? Что за звук?

Оказывается, надзиратель наполовину просунул в кормушку и зовёт тебя!.. А ты и ухом не ведёшь! Ты – человек дела. Ты сегодня выполняешь полезную работу. Отлучение от работы, порой затягивающееся на долгие годы, – это тоже жестокая пытка для заключённых. Да, ты

прекрасно знаешь, что после того, как покинешь Чёрное озеро... тебя ждёт каторга с её бесконечной «трудотерапией». Вернувшиеся с Колымы и Магадана, с лесоповалов Красноярска каторжане от слова «работа» бледнеют лицом. И работой, и её отсутствием могут истреблять людей тираны...

6

Относительно Гитлера можно сказать следующее: осуждать нужно не его буйство, а тех, кто дал волю этому буйству! Тайну следует искать не в его безумии, а в его современниках, которые наделили это безумие властью.

*Андре Глюксман, французский философ*³³

Когда на историческом XX съезде компартии стали одно за другим вскрываться злодеяния кровавого тирана Сталина, страна содрогнулась. Люди, перестав смотреть только вперёд, как предписывала партия, резко оглянулись назад и подслеповатыми глазами стали рассматривать пройденные пути-дорожки. Помню, как в те времена на страницах газеты «Известия» был опубликован небольшой, но с весьма содержательным подтекстом диспут между двумя известными журналистами Заславским и Рыклиным. «Нет, – заявлял один из них, – не знал я о том, что страна настолько обширно охвачена кровавым террором, и о миллионах жертв я тоже ничего не слышал!» А второй взхлёб выступал якобы оппозицией первому: «Ложь! Ты просто прикидываешься несведущим. Хотя мы и не во всех подробностях знали о лавине террора, обрушившегося на страну, но кое о чём были осведомлены, что-то слышали».

Большевицкое государство, начиная с кровавого Октября, сотворило неисчислимое количество злодеяний. Когда американский президент Рональд Рейган окрестил Россию «Империей Зла»³⁴, кто-то состроил недовольную мину, кто-то воинственно «задрал хвост». Правильные слова нашёл Рейган, дал верную историческую оценку, одной фразой припечатал коммунистов к позорному столбу. Партия большевиков – это организация воров, взяточников, грабителей, убийц, сыщиков и карателей. «Ленин, знаете, каким был? Ленин скромный, после революции Ленин жил впроголодь», – пускали нам пыль в глаза. По любому поводу приводя в пример Ленина, заставляли российский народ голодать. Ну а как же иначе-то: «Он живёт правильно, берите с него пример!» Всё зло и жестокость, творившиеся в стране, тоже связаны с его именем, людское несчастье неотделимо от имени Ленина. Поэтому считаю, что будет не лишним ещё раз напомнить о некоторых известных многим событиях. Ход мыслей и всё моё естество требуют этого. Ленин и террор³⁵ всегда тесно сосуществовали! Несколько примеров. «Мы Россию отвоевали, – говорил языком захватчика вождь, должный, казалось бы, принести народу счастье, – теперь мы должны Россией управлять!» В начале 1918 года он готовит ужаснейший террор и научно его обосновывает. Наука нужна Ильичу, наука о запугивании и убийствах! На каждом углу красуются ленинские лозунги: «Будьте решительными и хладнокровными!», «Необходимо всячески содействовать усилению террора и расширению его границ!», «Если вы не способны к кровавой и хладнокровной мести, то известите об этом!», «Расстрелять, ни у кого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты!» Ильич – большевик, умеющий держать слово, 26 июня 1918 года он письменно в пух и прах распекает за проявление «мягкотелости» Зиновьева³⁶, отправленного с кровавой миссией в Питер: «Тов. Зиновьев! Мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского³⁷ массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские чекисты и чекисты) удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс вполне правильную. Это не-воз-мож-но!»

Мысль о плановом применении террора можно найти во многих трудах Ленина. Один из документов, озаглавленный «1920 год»: «Для ускорения результатов необходимо создать комиссию... (Приводится список. – А. Г.) Нужно готовить скрытый террор! Архиважно и архинужно!»

В действительности неограниченный террор давно охватил всю страну. Вот письмо Ленина от 11 августа 1918 года. Ещё не начался повальный голод, но за раненного Ленина и убитого Урицкого народ уже подвергся массовому уничтожению. Телеграмма коммунистам Пензы:

«Т-щи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь везде «последний решительный бой» с кулачьем. Образец надо дать.

1. Повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богачеев, кровопийц.

2. Опубликовать их имена.

3. Отнять у них весь хлеб.

4. Назначить заложников – согласно вчерашней телеграмме.

Сделать так, чтобы на сотни вёрст народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц кулаков.

Телеграфируйте получение и исполнение.

Ваш Ленин.

P.S. Найдите людей потвёрже».

И после этого в Пензу летели телеграммы: «Используйте латышей!», «Мягкотелость проявляете!», «Мягкотелость – преступление!», «Никого не щадить!»

Жестокость Ленина не знает границ: 3 июня 1918 года он распоряжается сжечь Баку, если возникнет угроза завоевания его турецкими или английскими войсками!

Стоит ли на ваших книжных полках «войско» собрания сочинений Ленина? Хотя и склеились книжки обложками от долгого бесполезного стояния, возьмите, пожалуйста, 51 том и найдите письмо к Троцкому³⁸ от 22 октября 1919 года. Самые кровожадные строчки составители, конечно же, опустили. «Покончить с Юденичем³⁹ (именно покончить – добить) нам дьявольски важно! Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать ещё 20 тысяч питерских рабочих и 10 тысяч буржуев? Поставьте сзади них пулемёты и завалите из них пару тысяч человек... Надо кончить с Юденичем скоро».

Очень любил Ленин лозунг «Пленных не брать!» и широко его использовал. Давайте посмотрим на его письмо, написанное в августе 1920 года, к заместителю председателя Реввоенсовета Э. Скланскому. В письме речь идёт о тайном пересечении границ соседних государств – Латвии и Эстонии. Добрый дедушка Ленин отдаёт приказ: пересечь границу и внедриться как можно дальше вглубь. Организовать казнь через повешение, например, тысячи представителей чиновничества, заплатив палачам по сто тысяч рублей за каждую голову, и оговорить в этой кровавой расправе дислоцированных на территории Польши белогвардейцев! Думаете, кто-нибудь стал разбираться в сословиях казнённых людей, богач он, кулак или поп? Вешай – и загребай свои сто тысяч!

Ленин был дальновидным, хитрым и злобным политиком. Когда он подписал указ об изгнании из страны вольнодумцев от знати и интеллигенции... он даже не стал скрывать злобных намерений от своего близкого друга и соратника Максима Горького⁴⁰: «У интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации, на самом деле не мозги, а говно!» Вот так, не мелочился, не стеснялся наш милосердный дедушка Ленин, российскую интеллигенцию измарал дерьмом и в свидетели позвал «великого пролетарского писателя» Максима Горького.

19 мая 1922 года в письме, оценивающем общее состояние дел, Ленин пишет следующее: «Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей и только после этого готовить приказ о высылке за пределы страны». Видите, какой заботливый был наш дедушка Ленин! И в самом деле, это письмо, перекочёвывая из книги в книгу, из газеты в газету, вконец затуманило головы оставшимся в России. Дескать, в изгнании двух с половиной миллионов интеллигентов Ленин участия не принимал. Разве можно говорить что-то плохое о Ленине! Но когда считаешь другие приказы-циркуляры, волосы дыбом встают от ужаса. Шестнадцатого июля того же года он пишет Сталину: «Выслать за границу безжалостно! Всех их – вон из России! Арестовать несколько сот и без объяснения мотивов – выезжайте, господа! Чтобы только пятки ваши сверкали! Очистим Россию надолго!»

Избавили, очистили! Умные, воспитанные, трудолюбивые уехали. Высшие и местные органы власти заполнили малограмотные, придурковатые, лентяи. Всех образованных выметают поганой метлой, ссылают, очищают от них страну. И ещё много лет после отплытия «философского парохода» грамотных людей расстреливают, вешают, топят...

Сталин стал продолжателем всех начинаний Ленина, его верным и преданным учеником; кровавое, губительное наследство из рук Ленина перешло к узколобому Сосо. Прав грузинский писатель, сказавший, что обвинять одного лишь Сталина за кровавые репрессии тридцать седьмого года несправедливо⁴. Первые строки в кровавую летопись нашей эпохи вписал, конечно же, Ленин. И он же призвал неуклонно следовать однажды выбранному курсу.

Кровавые страницы!.. Сейчас их потихоньку стали открывать и изучать. Но читать такое страшно, кровь стынет в жилах!

Остановлюсь на нескольких фактах, обнародованных в последнее время...

Летом 1940 года в лесах под Катынь⁴¹ сотрудниками НКВД было расстреляно 21 857 польских офицеров. Сливки польского общества. А всю вину с помощью ложного заявления продажного академика Бурденко и его приспешников свалили на немцев. Этот обман из года в год выдавали за правду и вот в тот момент, когда, казалось бы, ложь прочно впиталась в канву истории, дело ленинских палачей каким-то образом открылось «во всей красе». Циркуляр «Уничтожить поляков!» (постановление Политбюро!) вслед за Сталиным подписал и Калинин⁴². Вот тебе и справедливый старец с козлиной бородкой! «Кали-бабай!» Всесоюзный староста, любимый всем советским народом руководитель!

Мы наивно проклинали немецких варваров за то, что они взорвали гордость страны – Днепрогэс. А в действительности 18 августа 1941 года в четыре утра железобетонную плотину подорвали коммунисты, якобы для того, чтобы не пустить врага на левый берег реки. Образовавшаяся десятиметровая волна, сметая всё на своём пути, промчалась двести километров вниз по течению. Заживо похороненными под толщей воды оказались тысячи советских солдат и местных жителей... «От победы к победе ведёт нас партия!»

В 8 номере журнала «Новый мир» за 1968 год увидело свет произведение инженера Побожия «Мёртвая дорога». Осенью 1969 года, возжелав отыскать эту «мёртвую дорогу», я со слезами на глазах смотрел на её руины. Тронуло и взволновало меня произведение Побожия. В начале пятидесятых здесь развернулось невиданное по масштабам строительство – прокладка дороги Салехард – Игарка. Эту работу поручают 503-му строительному управлению, в котором трудился Побожий. Любимой стройке Сталина оказывают щедрую материальную поддержку, всё богатство страны стекается сюда. Пригоняют сотни тысяч политических заключённых. Эта авантюра проглотила, ни много ни мало, 45–50 миллиардов рублей. А сколько полуголодных зэков умерло на каторжной работе, этого никто не сможет подсчитать. Пятидесятые... Годы тяжёлого послевоенного лихолетья. Колхозное крестьянство всё ещё гнёт спину даром... В

⁴ Хаиндрава Л. Некоторые мысли по поводу современной сталинианы // Литературная Грузия. – 1989. – № 1. – С. 125–150.

освобождённых от врага областях разруха и нищета. А в дремучей тайге валят столетние деревья, через десятки рек наводят мосты, по вечной мерзлоте тундры, пугая оленей и местный северный народ, тянут чугунную дорогу. В попытках реализовать утопические, никому не нужные планы растранижено огромное государственное богатство... От видов ржавых рельс и насквозь прогнивших барачных корпусов сердце моё обливалось кровью... Разве мало было по всей России бесполезных строек, унёсших миллионы человеческих жизней и миллиарды народных рублей?! Хоть самого его давно уже не было, но любое дело начиналось с именем Ленина на устах и посвящалось его памяти, духу злобного, кровавого тирана. У членов Политбюро, генеральных секретарей партии был титул, который они жаждали заполучить сильнее, чем звание генералиссимуса: «руководитель ленинского типа». Услышав такую оценку, даже такой немощный из них, ссутулившийся, уже теряющий ясность ума Черненко⁴³ приосанивался. Про Брежнева⁴⁴, Андропова⁴⁵ я и не говорю! Они – достойные этого титула наследники Ленина. И нынешние мелкие сошки, вползающие на политическую арену рвачи и хапуги грезят получить это звание. Вожди-коммунисты потихонечку поднимают головы... Да, им мало Берлинской стены⁴⁶, восстаний в Венгрии и Чехословакии⁴⁷, распространения большевистской чумы в Анголе, Эфиопии, Никарагуа, во Вьетнаме и Кампучии, они хотят на всех пяти континентах установить свой кровавый, диктаторский режим... Ни в одной стране, куда смогли протянуть руки коммунисты, не установился порядок. Не нашлось пока средства от этой хвори, опустившей земной шар. Руководители ленинского типа на одну только афганскую авантюру⁴⁸ вбухивали по триста миллионов долларов ежемесячно. Эх, если бы такое богатство отдали бесхитростным татарским крестьянам!.. Они бы рай создали на благодатной татарской земле, рай!

7

Рождённым в октябре дано стать внуками Ленина.

Из известной песни

Если скажу, что в нашем «особом лагере» были представители всех наций земли, то несколько не обманусь. Призыв бородача Маркса⁴⁹ наконец-то реализовался в лагерях для политических ссыльных: «заклѳённые всех стран соединились!» Видимо, Маркс заранее знал, что построить коммунистическое общество без кровавого террора и сложной исправительной системы невозможно. Неужели он и вправду видел будущее таким, во власти советов? Писатели, ранее посвящавшие свои произведения описанию жизни в советских тюрьмах-лагерях, делали упор только в одном направлении – большая часть заклѳённых – это невинно осуждённые люди, и считали, что в этом и состоит основное зло большевизма. Между тем в таком обвинении лишь половина правды. В нашем «особом лагере», входящем в систему «Луглаг»⁵⁰, сидели люди, которые понимали всю сущность власти Советов, внешних и внутренних рычагов большевизма, знали, что этот строй принесёт на Землю, в каждую страну деспотизм, угнетения, страдания, духовную деградацию. Если одни просто испытали это зло на себе, то другие вели вооружённую борьбу против кровавого режима. Было среди лагерников много таких, кто противостоял советской власти, вслух выражая несогласие с официальной политикой. Поэтому среди нас никто не старался заявить: «Я невиновен!» Не было и тех, кто пытался оправдать коммунистов.

В декабре пятидесятого года я находился в пересыльной тюрьме города Свердловска. Большая камера, человек на семьдесят. Все сокамерники – политические, кровные враги сталинского и советского деспотизма. Только один, майор советской армии, мадьяр по фамилии Ходяш, решился выступить в защиту режима: «Если бы про всё это знал Сталин, он бы... Эти обманщики водят за нос и партию, и нашего вождя!» Его выслушали в непривычной тишине,

озлобленно переглядываясь. Никто майора не поддержал. Позже прошёл слух: в первую же ночь в лагере майору Ходяшу отрезали восхвалявшие Сталина губы. Оно и неудивительно, среди заключённых немало молодёжи, отловленной и доставленной сюда из Украины, лесов Литвы, своими глазами видевшей, что такое реки крови...

Хотя никто и не кричал во всеуслышание, не хвастался, за что его посадили, но мы твёрдо знали и ни на секунду не сомневались – среди попутчиков и сокамерников лишь враги советского режима.

Обстоятельно об этом поговорим позже, а пока я хочу вернуться в пору юности, к своим односельчанам, очень рано, смолоду понявшим несправедливость советской власти.

Мой отец Мирсаит – родом из Сарманова, сын хазрета Сахабетдина, расстрелянного в начале тридцатых годов в тюрьме Елабуги имама беднейшего прихода «Махалля белоштанников», уезжает учительствовать в кряшенское село Верхний Багряж и там оседает. Я только в последние годы понял, почему он покинул родные места и обосновался так далеко в чужих краях среди татар-кряшен. Вероятно, он боялся того, что был сыном муллы! Честные, душевные, по-детски открытые кряшены встретили молодого учителя с большим уважением. Отец увидел: здесь живёт справедливый, трудолюбивый народ. Даже когда выселяли кулаков, жители Верхней деревни не позволили изгнать крестьян, крепко стоявших на ногах. Дома и строения, отобранные у зажиточных, основательных хозяев, превратили в школы, сельский совет, колхозное правление. Мало того, они и хозяев не прогнали со дворов, переселив кого в каменные амбары, кого в бани. Верхний Багряж был известен в округе своей основательностью и благоустроенностью. И не только благодаря наличию церкви, но и стоявшей рядом с ней школы. В тридцатые годы здесь открыли ШКМ (Школу коммунистической молодёжи), позже – неполную среднюю школу. Постепенно школа приобрела статус средней. В Багряж приезжали учиться издалека – из Сармановского, Заинского районов – это придавало селу неповторимый колорит. В довоенные годы Багряж был своеобразным культурным центром. С приходом осени жизнь в селе начинала бурлить! Откуда только не съезжалась сюда молодёжь, из каких только дальних сёл: из Савалеево и Светлого Озера, из Чубуклы, Бурды, Иштирякова, из Керекес и Сармаш-баша. В школе было шесть восьмых, пять девярых, четыре десятых класса. Учительский коллектив насчитывал сорок – пятьдесят педагогов. А какие это были интеллигентные, красивые, интересные люди! Литературный кружок посещало тридцать – сорок человек, большинство из них сочиняли стихи. Руководитель Василий Фёдорович Тарасов – знаменитая личность, под псевдонимом «В. Багряшевский» он выпустил одну за другой две книги! Для нас он был недостижимым небожителем! При каждом удобном случае я благодарю этого искреннего, бескорыстного, беззаветно влюблённого в литературу человека. Никого он не отверг из своих учеников, даже самых неспособных, во всех зародил надежду, окрылил, щедро делился с молодёжью своим духовным богатством.

Один из учителей – кряшен по фамилии Осипов из села Ляки – перевёл стихи и поэмы Пушкина и принёс на заседание кружка. Положив листки на середину стола, он читает свои творения вслух. Кружок живо обсуждает услышанное, сопоставляя с опубликованными в книгах переводами, яростно критикуют Осипова, споры усиливаются... Возможно, что дело доходило и до схваток! Вся деревня содрогнулась от плача, когда спилили обе церковные башенки. С тех пор двери созданного в этом помещении клуба не закрывались ни на минуту. Не успевали ставить один спектакль, как брались за другой. Театральный коллектив подобрался на славу: что актёрская труппа, что режиссёры. Олимпиады продолжались с вечера и до утра. Из Нижней деревни поднимались к нам скрипачи, из Сарсаз-Багряжа спускались гусяры. Были у нас и певцы, способные вышибить слезу у слушателей: Александра Михайловна Ямашева из села Чукмарлы, Багданур Кабиров из деревни Нижние Лузы... Был и в Багряже свой певец, мальчик-сирота Николай Муханов. Если он затягивал «Баит о Мирсаите», весь зал утирал слёзы. Обаятельный Кашшаф-ага Хамитов. Директор, актёр, режиссёр, скрипач. Самый известный

шутник-затейник Махуб-абый Садыков. Зимой лыжные гонки, весной кроссы по пересечённой местности со всевозможными препятствиями, летом нескончаемые футбол и волейбол... В конце года – чемпионат по шахматам. По осени – сбор оставшихся колосков на колхозных полях, выдёргивание свёклы и моркови, «воровские набеги» на поля гороха. А потом поедание ароматной, с дымком, гороховой похлёбки, аж до колик в тугу набитых животах. Поклоны в пояс каждому дереву в лесу, сбор в родниках личинок белых бабочек. Групповые походы на природу с поеданием приготовленной на костре каши, шутки-прибаутки, метание скатанных из лнялой коровьей шерсти мячиков. Пасха, Троица, Покров, Масленица, Майданы. Так в наших краях называли Сабантуй. Словом, окружённая с трёх сторон могучими лесами Верхняя деревня жила, как отдельное государство.

В каждом доме квартируют по семь-восемь учеников, парней либо девушек. Все знают, в дом Питрухи Чатыра поделяют только девушек, и все знают, почему: у них самих целый выводок красавиц подрастает. Несмотря на то, что живут в небольших, в два-три окна, домишках, багряжские крышени радушные, всегда готовые потесниться хозяева. При таком количестве народа жизнь в селе протекала мирно, без склок и шумных разборок, без пьянства и драк. Что в прежние времена, что в нынешние. Посиделки в домах, различные игры, маленькие и большие праздники, песни во всё горло и пляски до упаду – вот на чём держалось это добрососедство. Ученики в то время сильно различались по возрасту. Если один одноклассник был на три года старше меня, то у другого уже всю росли пышные усы. А когда мы перешли в пятый класс, с нами вместе учились несколько девушек на выданье.

Татары, крышени! Молодёжь из тридцати с лишним аулов собралась здесь. Довоенные мальчики и девочки, юноши и девушки. Среди них выделялась одна группа: умом, внешним видом, походкой, манерой держать себя. Как я оказался среди них, чем они мне понравились, почему эти старшеклассники не прогнали меня? В общем, стал я свидетелем и участником их разговоров о политике. Возможно, причина моей смелости в авторитете среди сверстников, пусть небольшом, но вполне заслуженном: с четвёртого класса я начал сочинять стихи и поэмы, в пятом взялся за написание повести «Когда он рос», в моём багаже было множество коротеньких пьес, я участвовал почти во всех театральные постановках, соревновался в шахматах, занимал четвёртые-пятые места в лыжных кроссах. А может, мне помог авторитет отца? Ведь он был уважаемым учителем в нашей школе. Так или иначе, взрослые парни приняли меня в коллектив. Я очень быстро стал своим. Видимо, они решили не связываться с малолеткой, мол, пусть приходит, слушает, нам он никак не помешает. Теперь я не подкрадываюсь, увязавшись за одноклассниками, на большой перемене, чтобы дёрнуть дерзких девчонок за косички и отскочить в сторону, курильщикам мха, нащипанного между брёвен бани, тоже не заманить меня к себе. Сразу после звонка я выбегаю из кабинета и поджидаю старших. Наши собрания на больших переменах проходили, помнится, в глухом конце коридора, а осенью – в пришкольном саду. Сад большой, посредине горделиво возвышается старинная деревянная церковь. Чуть поодаль – массивные дубовые кресты, растущая на могильных холмиках черёмуха. Парни облюбовали этот укромный уголок. Кишащая на спортплощадке и школьном дворе малышня побаивается подходить к крестам, да и те, кто повзрослее, боязливо косятся, предпочитая держаться на почтительном расстоянии. Мои обязанности во время бесед пока одни и те же: не шмыгать громко носом и внимательно слушать. Что я и делаю, каждое слово, произнесённое смелыми, беспокойными парнями, впитывается в моё чистое, ничем не запятнанное сознание. Багряж – удалённое на значительное расстояние от большака село на границе Сармановского и Заинского районов. Однако все значимые изменения-события в жизни страны, благодаря этим живым парням, доходят и до Багряжа. Ребята ведут разговоры по-крупному, с пониманием, со знанием дела. Мне с каждым днём всё больше нравятся злые, сердитые словечки, отпускаемые членами этой более или менее организованной группы в адрес происходящих событий! Понимаю, сейчас накинута на меня: «Опять хвастается, ну да, это

по-Аязовски!» Но в моих словах нет ни грамма преувеличения, рисования или позёрства. Бог свидетель, я не хочу бросить и тени подозрения на решительных парней, учивших меня, мальчишку, уму-разуму! Я пишу лишь о тех событиях, в которых принимал участие, о том, что знаю и помню. В общем, я смолоду не был умнее остальных, не умел рассуждать по-взрослому, мог и приврать, и приукрасить. Но я, по выражению Гаяза Исхаки, видимо, родился писателем. В поисках новых тайн и событий душа моя улетала на край света, металась, переживала. Богом мне были ниспосланы цепкая память и беспокойный аналитический ум. Спасибо вам, Небеса, тысячу раз спасибо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.